

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

63

СОДЕРЖАНИЕ

С рождеством Христовым!	1
В. Пирожкова. На пути реформ	2
А. Федосеев. "Без труда не вытащишь и рыбку из пруда"	10
Д. Штурман. "Тайна века"	15
Б. Литвинов. После путча	26
А. Федосеев. Открытое письмо Егору Яковлеву	34
С. Тиктин. Звезды "Полынь"	35
В. Пирожкова. Потерянное поколение	37
Протоиерей Д. Константинов. "Занимательная статистика"	42
Протоиерей Д. Константинов. Пир сатаны	44
Л. Люиг. Рецензия на один спектакль	46
А. Елисеев. Письмо в редакцию	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 63

Декабрь 1991

Мюнхен

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Мы поздравляем наших сотрудников и читателей — христиан с Рождеством Христовым и всех с Новым 1992 годом и желаем прежде всего, чтобы, несмотря на все трудности, этот год принес нашей родине хотя и медленное, но движение вперед, к созданию новых государственных и хозяйственных структур и к возрождению христианства.

Плоское материалистическое мировоззрение потерпело на нашей родине крушение. Стало слишком явно, что оно не может удовлетворять запросов человека. Люди это чувствуют, но часто не знают, где искать выход. Распространяются разные нехристианские учения и секты. Давно уже распространено увлечение дзен-буддизмом, но теперь распространяется и кришнаизм. Учение о переселении душ, снимающее с человека ответственность за его поступки в этой **единственной** данной ему жизни на земле — если будет еще много жизней, то ведь каждая из них не так уж и важна — и, конечно, исключающее телесное воскресение из мертвых. В каком же из многих тел человек воскреснет? Мы знаем, что новое тело будет иным, чем земное, для него ничто материальное не будет непроницаемым. Это будет просветленное тело, но все же наше тело, наше единственное земное тело.

Распространяются и такие секты, как секта Муна, лукаво якобы не отрицающая Христа, но возвещающая, что Он только начал дело преображения человечества, а они вот закончат. Вспомним "Легенду об антихристе" Владимира Соловьева — не так ли же говорил антихрист?

Распространяется мощная в США секта под названием "Нью эйдж", т. е. "Новый век", точно так же сулящая обновление человечества вне христианства оккультными методами.

Много есть и просто суеверия, распространяются астрология, спиритизм и многое другое, что кажущимся образом удовлетворяет жажду человека по чем-то не чисто материальном, не чисто земном. Известно, что неверующие люди часто бывают суеверны. Наоборот, истинно верующий человек не суеверен. Если у человека, считающего себя

верующим, есть остатки суеверия, то он должен проверить свою веру, достаточно ли она крепка. Всяческие гадания и предсказания будущего запрещены Церковью, и это вполне понятно. Человек должен доверять себя воле Божией и не стараться самовольно заглянуть в будущее. Оно сложится из его собственных поступков и поступков других людей, и чем полнее человек предает себя и свои поступки воле Божией, тем тверже ведет его Господь по правильному пути. Иное дело, если Господь Сам дает человеку то или иное, нужное для него, откровение во сне или как-либо иначе. Мы знаем из Библии, что такие откровения Господом давались, в частности, мы знаем из Евангелия об откровениях, дававшихся во сне Иосифу Обручнику. Но сам человек не смеет стараться при помощи оккультных и магических сил приподнять завесу будущего. Вступление в связь с такими силами может кончиться очень печально.

Но несведующие люди бросаются на все, что занимает их воображение, что лежит вне плоскости примитивного материализма уходящей идеологии.

Противостоять этому может только истинное христианство. Только Христос, рождение Которого в мир мы снова будем праздновать, дает спасение. Но мы не должны воспринимать этот праздник как "семейный праздник", как возможность сделать, хоть на нашей родине, вероятно, и скромные, подарки детям и другим членам семьи или друзьям. Все это хорошо, всякая маленькая радость, особенно доставленная детям, благое дело. Но нельзя этим ограничиваться. Надо постараться проникнуть всем своим разумением и всей душой в эту великую тайну: Бог стал человеком. Он вошел в нашу судьбу, сравнялся с нами во всем, кроме греха. Он жил нашей жизнью. Он трудился скромным плотником в Назарете, Он ходил по нашей земле и говорил к людям, Он бывал голоден, уставал, мерз, огорчался, даже плакал. И, наконец, Он телесно страдал и умер за нас страшной мучительной смертью. Он действительно умер, т. к. тело Его было настоящим человеческим телом, а не только личиной, как думают монофизиты. Он был истинный

Бог и истинный человек.

Он взял на Себя всю судьбу человека с самого начала. Он отдал Себя во власть Своей Матери, будучи совершенно беззащитным в Ее чреве. Несколько лет тому назад некоторые потерявшие всякий стыд и совесть левые распевали в Германии стишки, гласившие: "Если б Мария сделала аборт, то нам не надо было бы возиться с Иисусом". Страшный, сатанинский стишок. Но, а что если б?.. Иисус Христос родился не в богатом дворце, Его Мать даже не жила в среднем зажиточном доме. Она должна была пройти тяжкий путь перед самым Его рождением, и для Нее не нашлось другого приюта, кроме яслей. А что если б Она с самого начала сказала, что они слишком бедны, что Ей трудно будет воспитать ребенка? Можно ли себе вообще представить, в какой мрак было бы ввергнуто человечество? Мы принимаем все так легко, мы привыкли за почти 2000 лет к знакомым образам. Но легко ли было девушке в те времена сказать: "Се раба Господня; да будет Мне по слову твоему" (Лука, 1,38). Она знала хорошо, что может постичь девушку, ожидавшую ребенка, в те времена. Но Она не строила земных расчетов, Она отдала Себя полностью в руки Божии, полностью в Его волю. Обычным беременным женщинам ангел не предвещает рождения Спасителя, но не следовало ли бы каждой из них подумать о том, что, делая аборт, она убивает брата или сестру Иисуса Христа? Став человеком, Он стал братом каждого из нас.

Он вступил в беззащитность ребенка, сначала в чреве Матери, потом во враждебном мире. Его хотели убить еще во младенчестве. Он пережил судьбу беженца в Египте, более чем скромное в материальном отношении детство, упорный труд.

И из этого жизненного пути, из середины нашей обычной жизни, нашей судьбы Он стал в центре истории всего человечества. Без Него она больше не мыслима, несмотря на то, что творится кругом.

Христос пришел ко всем людям, ко всем народам. До известной границы каждый народ может воспринимать Его как "своего". Африканцы, вероятно, имеют право писать Его черным, а азиаты придавать Его лицу

азиатские черты. В каком-то смысле Он близок каждому народу и, конечно, каждому уверовавшему в Него человеку. Но нельзя забывать, что исторический Христос, совершенно конкретное рождение Которого мы теперь снова празднуем, родился в конкретном народе и что первое Его задание было прийти к погибшим овцам дома Израиля. Конечно, Он всегда был для всех людей, но в земном ракурсе, в земном времени Он присоединил другие народы позже. В вечности Он всегда есть для всех. Именно для всех.

Русские поэты и писатели — тот же Достоевский — нередко считали, что русский народ в особой степени, особым образом проникнут Христом. Трудно сказать, насколько это верно: в революцию народ показывал себя нередко совсем с другой стороны. Но так или иначе, особое соотношение с Христом у народа может быть правомерно только в том смысле, что народ особенно преданно принадлежит Христу, а не в том, что Христос принадлежит этому народу. Ни один народ не вправе налагать руки на Христа. Националистическое "христианство" — это страшный монстр. К сожалению, на нашей родине наблюдаются и эти искажения, неизбежно связанные с ненавистью к другим национальностям и христианам других национальностей.

Христианство также не может быть традиционным. Слова, которые иногда можно услышать: "Я по традиции православный или православная" не имеют никакого смысла. Православие — это христианство, а христианство не традиция и не идеология. Христианство — это всякий раз заново принимаемое решение следовать Христу, личное решение, от которого нельзя спрятаться ни за семью, ни за нацию, ни даже за Церковь, и к Церкви можно по-настоящему принадлежать только путем личного решения. Даже для ребенка, воспитанного в верующей и церковной семье, приходит момент, когда он сам должен принять уже за себя решение: включить ли сознательно в душу и жизнь данное ему в младенчестве крещение.

Празднуя Его приход в мир почти две тысячи лет тому назад, не будем забывать об этом.

Редакция

В. ПИРОЖКОВА

НА ПУТИ РЕФОРМ

Печатающаяся в этом номере статья Д. Штурман заканчивается констатацией какого-то застоя в Москве, одно кончилось, другое не началось. Статья была закончена до заседания съезда народных депутатов и речи президента России Б. Н. Ельцина. Его

речь показала, в какую сторону должна пойти Россия по пути реформ. Прежде чем разъяснить пакет предлагаемых реформ, Ельцин сказал: "Ситуация в России сложная, но не безнадежная. Период движения мелким шагом завершен. Есть уникальная возмож-

ность за несколько месяцев стабилизировать экономическое положение и начать процесс оздоровления. В условиях политической свободы надо дать экономическую, снять все преграды на пути свободы предприятий, предпринимательства, дать людям возможность работать и получать столько, сколько они зарабатывают, сбросив бюрократический пресс. Однако в условиях острейшего кризиса провести реформы безболезненно не удастся. Если пойти по этому пути сегодня, реальные результаты получим к осени 1992 г."

Мы не будем по отдельным пунктам пересказывать экономические и социальные мероприятия, перечисленные в речи Ельцина. Остановимся лишь на некоторых моментах. Президент говорил о приватизации предприятий, стабилизации рубля и отметил: "Второе — приватизация, создание здоровой, смешанной экономики с мощным частным сектором". Не будучи экономистом, я не могу сама компетентно комментировать это высказывание, но среди западных экономистов распространено мнение, что смешанная экономика здоровой быть не может. Ясно, что невозможно молниеносная тотальная приватизация, ясно, что какое-то время должно существовать смешанное хозяйство, но вряд ли к нему следует стремиться как к конечному результату. Впрочем, мы думаем, что жизнь сама этот вопрос урегулирует, если дать достаточно свободы для развития. Как раз в этом пункте придется преодолевать огромные трудности: сознательный саботаж коммунистов и социалистов на местах и большую силу инерции граждан, из которых страшными методами выбивалась личная инициатива. В этом аспекте мы считаем разумным желание президента не производить выборов на местах до декабря будущего года, а назначать на местах временно администраторов. Создать вертикальное управление. Действительно велика опасность, что отчасти все еще запуганное местными властями и в значительной степени инертное население теперь еще во многих местах выберет прежних начальников. Следовало бы переизбрать Верховный совет, состоящий в значительном количестве из коммунистов по психологическому складу, но Ельцин опять-таки прав, что сейчас невозможно начинать большую и стоящую много сил и средств предвыборную кампанию. Кроме того, новые партии должны хоть немного устояться и яснее выкристаллизоваться. Об этом мы скажем еще несколько слов.

Два раза Ельцин в своей речи затрагивал проблему сельского хозяйства. "Особое значение для России имеет придание большей динамики земельной реформе, создание принципиально новой ситуации в аграрном секторе уже к весне 1992 г." Ельцин признал, что

аграрная реформа, начатая после второго съезда народных депутатов, не смогла заметно поправить положения. 30 тысяч фермерских хозяйств, созданных за это время, остаются каплей в море. Ельцин говорил о предполагаемой материальной поддержке фермерских хозяйств, также о широком предоставлении им сельскохозяйственных машин. Более важным нам представляется необходимое новое законодательство. Президент намерен представить Верховному совету пакет поправок к закону о земельной реформе с тем, чтобы укрепить реформу, разрешить, наконец, куплю-продажу земли. Мы считаем это чрезвычайно важным. Но как раз здесь устаревший Верховный совет может ставить препятствия и затягивать все дело. Этот Верховный совет уже дал президенту большие полномочия, но мы сейчас не в курсе дела, достаточны ли они, можно ли в вопросе земельной реформы обойти, если это окажется необходимым, stagnирующий или саботирующий Верховный совет. От этого очень многое зависит. Как мы уже видели кредитно-финансовую реформу Ельцина Верховный Совет Российской Федерации саботировал.

Ельцин указал также на растущую организованную преступность и на необходимость бороться с мафией. Следует отметить, что это явление, имеющееся не только на территории бывшего СССР, где сейчас, конечно, создались в тяжелый переходный период особо благоприятные условия для него. С мафиями не могут справиться даже старые и хорошо организованные демократии. Тем не менее, мы надеемся, что России удастся хотя бы значительно ограничить это явление.

Президент указал еще на один тревожный феномен. Он сказал: "Мы непозволительно долго дискутировали о том, нужна ли нам частная собственность. Партийно-государственная элита тем временем активно занималась личной приватизацией. Масштабы, предприимчивость, лицемерие в этом просто поражают. Приватизация в России идет давно, но дико, стихийно, нередко на криминальной основе. Сегодня нужно перехватить инициативу, и мы намерены это сделать". Можно только пожелать успеха российскому правительству в этом начинании. В объединенной Германии не было долгих дебатов о необходимости частной собственности, существование сильной и богатой Западной Германии показывало всем наглядно, что частная собственность дает много лучшие результаты, чем государственная. И тем не менее бывшие партийные кадры в Восточной Германии, особенно офицеры бывшей Штази (служба государственной безопасности), захватили и по-своему "приватизировали" многие бывшие государственные предприятия в бывшей ГДР. Эта приватизация у аккуратных немцев шла

вовсе не дико и стихийно. Недавно был обнаружен приказ, который был дан Штази еще за несколько лет до объединения Германии, что эта самая Штази должна делать в случае изменения политического положения. Делать они должны были как раз то, что делают сейчас: захватывать в свои руки приватизирующиеся предприятия, особенно большие концерны, и создавать для себя материальную базу, конечно, не только для личного пользования, но и для финансовой поддержки выгодных им политических групп. В Германии, особенно в бывшей ГДР, прошла волна погромов, направленных против ищущих в Германии убежища иностранцев. Самым страшным случаем было нападение на помещение ищущих убежища ливанцев, где в подожженных погромщиками бараках две девочки 8 и 6 лет получили опасные для жизни ожоги. Совершилось нападение даже на помещение, где отдыхали пораженные радиацией дети из Белоруссии. События эти взволновали все немецкое общество. Погромы действовали под националистическими и даже нацистскими лозунгами. Но недавно обнаружилось, что деньги они получили от предприятий, которые попали в руки бывших офицеров Штази.

Нет сомнения, что многие национальные конфликты в бывшем СССР подогреваются и будут подогреваться коммунистами и КГБистами. В этом отношении у них несравненно более обширное поле деятельности, чем в относительно гомогенной в национальном отношении Германии.

В России предстоит глубокая конверсия оборонных производств. Военно-промышленный, очень мощный комплекс, должен быть реорганизован, и часть предприятий передана на производство гражданской продукции. Вот тут надо следить за тем, чтобы эти предприятия не были перехвачены партийно-КГБистской мафией.

Подписав указ о правовом обеспечении деятельности профсоюзов, президент, однако, призвал их не ограничиваться предъявлением новых и новых требований государству. "Труднейшие условия, в которых нам предстоит осуществить радикальные преобразования экономики, требуют от всех ответственности, реализма и готовности к разумным компромиссам". Эти качества действительно требуются на всех участках. Партии, профсоюзы, те или иные отдельные национальности должны понять, что невозможно получить все сразу. 73 года разрушения нельзя компенсировать в несколько недель или даже несколько месяцев, как, кстати, требуют сейчас некоторые русские эмигранты. Сейчас требуется очень много дисциплины и напряженного труда, хотя мы и хорошо понимаем, как трудно ожидать их от измученных

людей, которых так часто обманывали ложными обещаниями. Существует трагический рассказ о том, как человек, заблудившийся в пустыне, обманывался много раз фата морганой, устремлялся к мнимому оазису и был горько разочарован. Наконец он все же доплелся до настоящего оазиса, но, завидев его, он принял его за новую фата моргану, решил не обманывать себя еще раз и умер от жажды совсем недалеко от спасительной воды. Будем надеяться, что россиян не постигнет подобная злая участь.

Мы хотим отметить, что мы коснемся не всех вопросов, затронутых Ельциным в его речи, кто хочет знать полное содержание, пусть прочтет речь в оригинале. Мы пользуемся правом каждого комментатора выбирать те пункты, которые нам представляются наиболее существенными. Одним из таких очень важных пунктов является очищение управления сверху донизу от господства коммунистов, вернее, тех, кто ими остался по всей своей сущности. Это одна из самых трудных задач, поскольку надо пересмотреть миллионы мелких начальников на местах. Нет сомнения, что многие из них искренне пересмотрят свои прежние позиции, другие приспособятся, но немало будет тех, которым захочется сохранить прежний образ мышления и действий, они к ним привыкли и получали от них выгоду. Недавно президент России окончательно запретил КПСС и РКП на территории России. В своей речи Ельцин сказал: "Идет динамичный процесс освобождения институтов власти из-под пяты КПСС. Мы не боимся обвинений в недемократизме и будем действовать здесь решительно. Ни одна партия впредь не будет самозванной хозяйкой в Российском государстве". В самом деле, коммунисты, столько десятилетий подавлявшие все самые минимальные попытки действовать демократично, теперь начали кричать о демократии и вопить, что их "недемократично зажимают". Поистине, их наглости нет предела. Запрещение компартии ни в коем случае не противоречит демократии. В любой демократии может и даже должна быть запрещена партия, ставящая своей целью насильственное низвержение этой самой демократии и установление режима тоталитарной диктатуры. В весьма демократической Германии запрещена национал-социалистическая партия, долгие годы была запрещена и коммунистическая. Но президент Гейнemann, который был скрытым попутчиком коммунистов, протолкнул ее разрешение под переставленными буквами. Однако эта партия в открытом политическом соревновании не имеет ни малейшего успеха, а ее подспудные действия могли совершаться и тогда, когда она была запрещена. Уловку Гейнemannа хотят теперь применить и российские коммунисты.

Под руководством знаменитой Нины Андреевой они подали заявку на регистрацию теперь уже не запрещенной РКП и не КПСС, а новой ВКП. Но если даже эту партию зарегистрируют, ей, вероятно, удастся спасти для себя только небольшую часть имущества прежней компартии. Имущество КПСС и РКП реквизировано, и значительную часть его Ельцин намерен передать в культурный фонд. Интересно, усмотрит ли, скажем, Проханов в новой ВКП спасение России, как он его еще недавно усматривал в РКП, утверждая в своей передовой, что современные Минины и Пожарские находятся в рядах РКП ("Наш современник", № 9, 1990 г.). Кстати, японские газеты сообщают, что тысячи советских коммунистов бежали в Китай. Им дают убежище, но не хотят об этом широко оповещать мировую общественность. В Северный Китай, однако, направлено много переводчиков, знающих русский язык.

Следующей очень трудной задачей является сохранение единства России. Ельцин сказал: "Республики в составе России немало выиграли от тех демократических преобразований, которые произошли в последние годы. Вместе с тем многие проблемы остаются нерешенными. Ряд республик — Татария, Якутия и некоторые другие — обоснованно указывают на то, что значительная часть их сырьевого и экономического потенциала находится под контролем центральных ведомств и не дает должной отдачи жителям республик. Эти вопросы должны быть рассмотрены и решены новым российским кабинетом. Мы обязаны здесь пойти навстречу разумным и законным требованиям российских республик. Между тем есть черта, которую мы ни при каких условиях не можем переступить. Эта черта — территориальная целостность России, ее государственно-правовое единство. Мы не можем допустить и ни в коем случае не допустим развала России, ее раздробления на десятки враждующих между собой удельных княжеств. Мы признаем право народов на самоопределение. Но это право не может быть реализовано в ущерб правам других народов. Любые изменения в государственном статусе республик и территорий в составе России должны осуществляться конституционным путем и на основе закона. Главным же критерием для решения подобных вопросов должна быть воля граждан, воля народов, живущих в соответствующей республике или на территории, выраженная путем референдума".

Ельцин говорил в своей вступительной речи о конституции. В конце съезда он выступил еще раз, предложив съезду проект новой конституции, который выработала созданная для этого комиссия, работавшая над ним несколько месяцев. Первый вариант

конституции был уже опубликован в ноябре 1990 г., но вызвал резко отрицательную реакцию коммунистов, начался бойкот, началась вообще жесткая борьба против новой конституции. После августовских событий положение несколько улучшилось, и тем не менее съезд народных депутатов не внял призыву президента тут же обсудить этот проект, его новый вариант. Но народные депутаты предпочли тактику волокиты, хотят укреплять конституционные основы, но какой конституции? Прежней брежневской? Там вообще нечего укреплять. Проект новой конституции исходит прежде всего из интересов человека и его прав. Ельцин сказал о проекте: "Он содержит надежные правовые гарантии против тоталитаризма, против господства идеологии, против насилия, возведенного в ранг государственной политики". В этом проекте конституции человек является высшей ценностью. В нее включены так называемые "естественные права", которые никогда не забывались на Западе, но в России не входили в учет при построении основных законов. Теперь "соответствующий раздел проекта конституции приведен в максимальное соответствие со Всеобщей декларацией прав человека, международными пактами и договорами", — сказал Ельцин. В проект новой конституции включено рыночное хозяйство и одновременно социальная защита нуждающихся.

В проекте конституции устанавливается суверенитет России как единого государства. Должна быть сохранена единая Россия. Но строй ее предполагает федерацию, которая будет состоять из автономных республик и земель. Ельцин защищал именно слово "земля" не как взятое от иностранцев (в федеральной Германии говорят "Land", т. е. "земля"), а как старый русский термин. Точные структуры этой федерации еще не отработаны, но права человека должны уважаться во всех республиках и землях и их конституции не должны противоречить конституции всей России (в Германии этот принцип называется (*Bundesrecht bricht Landesrecht*, федеративное право ломает право земли, т. е. если между ними возникает противоречие, то приоритет имеет право всей федерации, а не отдельной земли).

Проект конституции предлагает сильную президиальную систему власти. Президент имеет известную независимость от парламента и, избранный народом, не зависит от тех или иных констелляций в парламенте. Он не должен уходить в отставку, если не получит по тому или иному вопросу большинства в парламенте. Но в проекте четко проведено разделение властей, законодательной, исполнительной и судебной.

Отметим, что сильная президиальная рес-

публика может стать вполне устойчивым работоспособным государственным строем. В правых кругах русской эмиграции принято называть все демократические начинания на территории России "керенщиной". Но это только показывает незнание истории и государственных структур. "Керенщиной" можно справедливо назвать то состояние безволия, говорильни вместо решительных действий, которое характеризовало деятелей февральской революции. Первый премьер-министр князь Львов блаженно заявил, что правительство не должно ничего делать, надо отпустить вожжи, как это делает хороший кучер с опытной лошадей, сбившись среди метели с дороги, лошадь сама лучше всего найдет дорогу к стойлу. Но огромный, сбившийся с пути народ не имел ни опыта, ни стойла, к которому лишь следовало пробиться. Его продолжали сбивать с пути бессовестные радикальные агитаторы. Следовало указать ему путь и попробовать твердой рукой повести его по этому пути, если уже сделали революцию. Конечно, самое правильное было бы ее тогда не делать. И вот как раз в этом пункте совершенно невозможно понять некоторых русских правых и монархистов: они проводят знак равенства между свержением монархии в 1917 г. и свержением коммунистической диктатуры в 1991 г. Таким образом они фактически ставят знак равенства между монархией и коммунистической диктатурой. Как они, монархисты, могут это делать, уму не постижимо!

Но если вернуться к выражению "керенщина", то следует вспомнить, как называли человека, от имени которого произошло это выражение: "главноуговаривающий". И даже на фронте, будучи главнокомандующим, он на самом деле пытался не командовать, а уговаривать. Вот эта слабость, это безволие, это неимение никаких конструктивных целей, это неумение руководить, это и есть "керенщина". Но деловая, твердая демократия совсем не "керенщина". Нет сомнения, в России сейчас немало элементов "керенщины", критика ради критики, элементы нигилизма, желание противостоять всем предложениям правительства только потому, что они исходят от правительства, не пытаюсь даже разобраться, что в этих предложениях плохо, а что, может быть, и очень хорошо. Эту "керенщину" подогревают, несомненно, коммунисты, которым очень хочется, чтобы демократия потерпела поражения, а они смогли бы вернуться к власти. Но в самом правительстве, кажется, керенщины не наблюдается, и это очень важно. Только бы несостоятельный Верховный совет, играющий в керенщину, не погубил бы всего. Но население, как кажется, стоит за твердую власть и скорые реформы. Во всяком случае, 77% согласно опросам

высказалось за жесткие меры по отношению к советам, если они будут саботировать реформы.

Очень важна глава проекта конституции, где говорится о гражданском обществе. Правительство должно принимать меры против старых советов, саботирующих реформы, но никак не против граждан, берущих в свои руки личную инициативу. Последняя совершенно необходима для восстановления страны.

Но конституция пока не прошла. Реформы же невозможно проводить, согласуясь со старой конституцией. Так, Россия, вероятно, должна будет жить год без конституции, даже больше года. В 1993 г. будут выборы, они должны быть нормальными многопартийными выборами. Остается надеяться, что возникшие партии вроде демократического союза, христианско-демократической партии и других, возникших, так сказать, снизу, найдут достаточно средств, чтобы провести соответствующую предвыборную кампанию. Из рядов бывших коммунистов, которые, вопреки Нине Андреевой и ее сторонникам, не настаивают на том, чтобы оставаться коммунистами, вышли две относительно большие партии. Одна из них под водительством вице-президента А. Руцкого отказалась не только от коммунизма, но и от социализма. В ее программе стоит социальное рыночное хозяйство. Она также не намерена придерживаться какой-либо идеологии. Своей целью она ставит не строение общества по какой-либо определенной идеологии, а решение конкретных вопросов, поставленных жизнью. Называться эта партия будет: Народная партия Свободной России.

Другая часть коммунистов объединилась в партию левых сил социалистической ориентации. К этой партии принадлежит, между прочим, пресловутый Рой Медведев. Надо думать, что эта партия будет похожа на переименованные в социалистические коммунистические партии Болгарии и Румынии, т. е. члены ее останутся несколько более умеренными коммунистами. Тогда как в отношении партии Руцкого, думаем, можно предполагать, что она искренне отвернулась не только от коммунизма, но и от социализма.

Если вернуться к проблеме федеральной структуры России, то следует отметить первую трудность, уже возникшую: в Чечено-Ингушской автономной области власть захватил генерал Дудаев и взял направление на радикальный национализм. Он именно захватил власть. Он провел, правда, "выборы", но полностью по коммунистической шпаргалке. Избирательных кабинетов не было, бюллетени надо было открыто бросать в урны, и в комнате стояли чекисты Дудаева, смотревшие через плечо каждому избирателю. Мы видели

эти картинки на телевизионных экранах. Захватив власть, Дудаев стал сразу же грозить самым страшным образом: если прольется хоть одна капля чеченской крови, то они взорвут ближайшую атомную станцию: "Мы им устроим несколько Чернобылей" — звучало его интервью с экрана телевизора. Кому это "им"? Ведь первым от взрыва ближайшей атомной станции пострадает его собственный народ. Дудаев долго командовал авиационной дивизией оккупационной армии в Эстонии и женат на эстонке. Напрашивается предположение — особенно при виде его методов прихода к власти и пользования ею, — что он просто коммунист, играющий на национальных чувствах, пытается сохранить свою власть и саботировать становление новой российской республики. Мы отсюда не можем дать определенный ответ, правильно ли было со стороны Ельцина указом ввести в Чечено-Ингушетии чрезвычайное положение, но Верховный совет, не подтвердивший его, ничего не предложил. Надо решить конфликт политическими средствами, заявил он. Какими? Справедливо требование президента России провести референдум, при котором будет сохранен принцип тайны голосования, ведь чеченцы составляют примерно 30% населения, а ингуши и русские вряд ли согласны с Дудаевым, да и согласно ли с ним большинство чеченцев? Их никто не спрашивал. Но Дудаев, конечно, не допустит корректного голосования. Между тем на юге России (и не только там) быстро восстанавливаются казачьи формирования. Не станет ли скоро вновь актуальной "Казачья колыбельная" Лермонтова? И не явится ли обязанностью российского руководства защитить русское население и русских казаков? Это только один из многих назревающих конфликтов.

Когда этот номер выйдет в свет, Ельциным уже будет подписан в Бонне договор о восстановлении республики немцев Поволжья. Бонн нажимает, боится, что 2 миллиона немцев из бывшего СССР хлынут в Германию. Но те места, где жили прежде немцы, или пришли в полный упадок, или заселены русскими, и большинство этих последних против возвращения немцев и особенно против того, что они могут попасть под немецкое управление. "Пусть селятся на свободной площади, — говорят многие, — но мы не хотим, чтобы здесь была немецкая республика". Сейчас немецкое телевидение показывает много кадров, касающихся этого конфликта, показывают некоторых уже возвращающихся немцев. Так, видели мы, как русские (науськивают их, вероятно, местные коммунисты) бросали камни в окна здания, где собралась группа вернувшихся немцев. Но видели мы и то, как в Саратове, в развалинах церкви, где чудом сохранился один колокол,

этот колокол звонил, сзывая людей, и они пришли в эту руину, неся в руках цветы. А выступивший молодой человек сказал: "Здесь собрались мы все, русские, немцы, казахи, грузины, чтобы не было больше национальной розни, чтобы мы могли чистыми глазами смотреть в будущее, чтобы не повторились ужасы, пережитые нашими народами в прошлом". Такое тоже есть, и не только в Саратове, и не только в связи с немцами Поволжья, такие инициативы возникают сейчас повсюду, и дай Бог, чтобы именно они имели успех.

Рассмотрим последний пункт намечающегося будущего и касающийся судьбы всего Союза. Россия стоит за сохранение союза суверенных республик. Ельцин сказал, что Россия подождет создавать собственную армию, как того хотят некоторые республики. "Политически более оправданно иметь вооруженные силы родства суверенных государств с единым командованием". Особенно это важно в отношении ядерного оружия, оно должно остаться в одних руках. Но России пришлось бы создать свою армию, если бы это сделали другие республики. Российская гвардия создана будет. Как известно, соглашение об экономическом сотрудничестве подписали все республики, кроме трех балтийских и Грузии. Украина и Молдавия покочевряжились, но потом все же подписали. Даже Кравчук, переставший быть коммунистом только тогда, когда его компартии вообще не стало, понял, что экономика слишком срослась и рвать ее на куски невозможно. Действия трех балтийских республик понятны, они были все же больше 20 лет самостоятельны и жили очень хорошо. Но Грузия? Мне не раз приходилось слышать интервью с Гамсахурдией на экране немецкого телевидения — без перевода, он довольно хорошо говорит по-немецки — это какая-то неудобоваримая смесь грузинского националистического мистицизма и нищества. Станный и страшный человек, явный фанатик.

Тем временем создан и политический союз, который пока подписали лишь 7 республик: Россия, Белоруссия, Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркмения и Таджикистан. Знаменательно, что присоединились как раз азиатские и мусульманские республики, а вторая по величине славянская и две христианские, хотя и не славянские, пока отсутствуют. Окончательное решение, однако, еще не принято. Украина хочет подождать выборов 1 декабря, президент Армении Тер-Петросян находился как раз в США, а президент Узбекистана (единственной пока не присоединившейся мусульманской республики) "чувствовал себя плохо". Будущее покажет, присоединятся ли и они. Было бы

единственно разумно. Тем временем полностью распущено 47 союзных министерств, осталось только 5. Россия все равно уже перестала переводить деньги в центр. Конечно, некоторые средства должны поступать от республик, особенно от России, если центр вообще будет существовать. А мы стоим за конфедерацию и тем самым за некоторые центральные инстанции. Горбачев пытается спасти союз и рисует самые мрачные картины пропасти, в которую "мы уже заглядываем" (интервью в левом журнале "Штерн"), не поясняя читателям, что он сам в значительной степени виноват в этом положении тем, что шесть с половиной лет тянул с **началом** экономических реформ. Не будем много об этом писать, т. к. эта роль Горбачева разъяснена в двух печатающихся в этом номере статьях, Доры Штурман и Б. Литвинова. Так же и представитель Горбачева Загладин нарисовал в Мюнхене мрачную картину. И это понятно: помощь Запада, в частности Германии, действительно нужна для переходного времени, и Запад снова готов на нее, и он боится "югославского развития" на огромных пространствах бывшего СССР. Но тот же Горбачев виноват в том, что сейчас в Германии вряд ли можно организовать такую широкую помощь, как это имело место в прошлом году. Население Германии живо откликнулось, жертвовали деньги, покупали в супермаркетах стандартные продуктовые пакеты, которые потом в массовом порядке отправлялись в СССР. Германские власти отдали весь берлинский продуктовый запас, хранившийся на случай новой блокады Берлина, "милому Горби". После того как стало известно, что львиная доля этих продуктов была растащена, голода на самом деле не было (хотя и были постоянные крупные недостатки), а экономические реформы так и не были начаты, как теперь поднять население на новые пожертвования?

Ельцин, фактически начинающий реформы, и здесь принужден взять на свои плечи последствия того, что натворил Горбачев. Кстати, последний все время грозит подать в отставку, если союз не состоится. Но пугают ли кого-либо такие угрозы?

России приходится сейчас быть застрельщиком в реформах. Мы недостаточно информированы о продвижениях реформ в других республиках, но тот факт, что там в большинстве случаев остались коммунистические руководители, хотя они и переименовали себя и свои партии, настораживает, даже если есть и такие, которые уже, начиная с некоторого времени, проводят экономические реформы. Все же России и по ее значению приходится идти впереди. В этом смысле мы считаем правомочным временное соединение постов президента и министр-президента

в одних руках. Предстоящий год будет самым тяжелым, и для преодоления кризиса нужна сильная исполнительная власть. Мы надеемся, что это поймет и большинство демократов России. Западные комментаторы тоже серьезно отмечали этот факт и говорили о мужестве Ельцина, взявшего на себя всю ответственность.

В эмиграции же это дало некоторым повод для дурного зубоскальства и уже, конечно, для самых мрачных пророчеств. Так, М. Геллер на страницах "Русской Мысли" без особого огорчения предсказывает провал в пропасть как самому Ельцину, так и России как таковой. Впрочем, есть "черные пророки" и в самой стране. Так, московский астролог П. Глоба заявил, что "дух Сталина решил снова посетить страну", 21 декабря, в день его рождения, создается новый заговор, а 5 марта, в день смерти Сталина, произойдет новая попытка путча. И то, приблизительно 20 тыс. коммунистов в среднем и выше среднего возраста, демонстрировавшие в Москве 7 ноября, несли портреты Сталина. "Убийцы" — кричали им прохожие, а они отвечали с искаженными злобой лицами: "Провокаторы!" Помогут ли эти "вечно вчерашние" духу Сталина? Или, быть может, помогут фанатичные поклонники Сталина в Грузии? Недавно можно было на телевизионном экране видеть такого, впадавшего в восторженный транс оцепенения при виде бюста Сталина. Но это их местное дело. Или духу Сталина поможет элегическая ностальгия иных писателей по якобы убитому "восстановителю империи" и несостоявшемуся "императору"? Не думаем.

Вообще, мы сейчас с удивлением наблюдаем состояние умов у части эмиграции. Десятилетиями мечтали о падении коммунистической диктатуры, а когда центральная коммунистическая диктатура пала, реакция не радость и надежда на постепенное лучшее развитие, а недовольство и даже злость, что не настал сразу же рай на земле. Создается впечатление, что многие в эмиграции представляли себе падение коммунизма в виде ласкового дуновения весеннего ветерка, которое сметет коммунистов, причем всех сразу, а из-под сметенной пелены восстанет невидимый град Китеж во всей его красоте. Или если уж не град Китеж, то хотя бы такая Россия, какая описана в романе П. Краснова "За чертополохом". Убрать разом "чертополох", и все станет на свое место. Мы же всегда знали, что устранение коммунизма будет тяжелым — мы даже часто думали, что и кровавым. Мы не сомневались, что после падения центральной диктатуры будут очень сильные центробежные тенденции в республиках и народностях, и мы знаем, что разбег этих тенденций не может быть полностью останов-

лен в течение недель, даже месяцев, а, возможно, и лет. Нас скорее удивляет, что остается еще довольно много разума хотя бы для хозяйственного сотрудничества и хотя бы для некоторого политического союза. Но мы никогда не считали, что лучшей альтернативой было бы сохранение центральной тоталитарной коммунистической диктатуры. Она была таким злом, что ее надо было свергнуть при любых условиях. Мы также понимали, что при падении этой страшной диктатуры сначала наступит великое брожение умов и душ, что мы сейчас в нашем отечестве и наблюдаем. Мы также знали, что после развала пагубного, но как-то еще функционировавшего, планового хозяйства сначала станет еще хуже со снабжением населения. Нам не приходит в голову спрашивать требовательным тоном: "А что сделал Ельцин за 8 недель своего управления? Все еще хуже", как говорят некоторые эмигранты. Мы знаем, что не только за 8 недель, но и за 8 месяцев нельзя восстановить того, что разрушалось почти 74 года. Мы знаем, что сейчас очень трудно, что пока будет все труднее и труднее — до точки перевала, когда начнет становиться понемногу лучше. Но мы не впадаем в дешевое злорадство по поводу трудностей нашей родины, мы не списываем ее наперед со счетов. Мы знаем, что может произойти катастрофа, но знаем и то, что ее может и не быть. И мы надеемся на то, что ее не будет. Мы верим в силы нашего раскрепощенного народа и присоединяемся к словам президента России: "У нас есть все, чтобы наш реформистский прорыв завершился успешно. И мы должны поверить в себя, в свои силы". Нам было грустно, что эти хорошие слова были сказаны в зале, где в нише все еще стоял огромный чугунный Ленин, и по обе стороны его были как трехцветный флаг России, так и советский красный флаг. Не пора ли расстаться окончательно с этим идолом, переменить флаг и для всего союза?

Мы думаем, что пора, и надеемся, что это скоро совершится.

Несмотря на тяжелое положение, Петербург весело отпраздновал возвращение его настоящего имени. Мэр Петербурга Собчак выступил с обращением к населению и сказал, что Петр Великий основал Санкт-Петербург как окно в Европу, теперь этот город надо сделать широко открытой дверью в Европу. Петербург станет свободной торговой зоной. Приезжающие сейчас из Петербурга хвалят Собчака и его мероприятия по восстановлению города.

На праздник приехал и Великий князь Владимир Кириллович. В отрывках его выступлений, которые удалось услышать по телевидению, мы слышали, как он сказал,

что после низвержения августовского путча у страны есть возможность восстановления на демократических основах и что он сам готов послужить России, не обязательно на троне. В своей речи на пресс-конференции в Санкт-Петербурге Владимир Кириллович сказал в числе прочего: "Самые истоки имени Санкт-Петербург связаны с нашей династией. Я счастлив тем, что мы, пришедшие к вам из другой, почившей в веках и бессмертной России, присутствуем сегодня рядом с городскими властями на торжествах возврата к исторической справедливости. Ибо только уважительное и бережное отношение к прошлому способно осветить будущий путь...

Дорога, которую предстоит пройти, будет тяжелой и очень длинной: было бы большим заблуждением желать немедленных изменений или искать панацею для решения всех проблем, но у россиян, живущих в России, и у нас, Россию в рассеянии несущих, хватит терпения и стойкости духа. Всем нам надо рассчитывать, главным образом, на себя и на Промысл Божий.

Я убежден, что в ближайшем будущем наше отечество вновь обретет в гармонии с возрожденной верой надежду, уверенность в себе и счастье, которое оно заслуживает".

Нужно сказать, что Владимир Кириллович высказал разумные и правильные мысли. Они чрезвычайно выгодно отличаются от высказываний многих его сторонников. Прислушаются ли эти сторонники к словам Великого князя? Трудно этого ожидать, но так или иначе никто не должен забывать, что благополучное продвижение начатых реформ, что возрождение России духом и телом зависит от каждого из нас. Слово тоже имеет силу и иногда очень большую. Злобные желания провала и гибели тоже влияют. Что перетянет? Личная инициатива граждан, желание работать, строить и словом ободрять тех, кто взялся за дело, или мелкое критиканство всех и вся, придирки к каждому неудачному шагу, — а отдельных неудач будет немало, — желание говорить, а не делать, иными словами "керенщина" или здоровая деловая демократия. Это мы увидим. У возрождения России есть шанс, и мы твердо надеемся, что он упущен не будет.

21—23 ноября 1991 г.

P.S. Мы хотим попробовать в нескольких словах подвести итог посещения Германии президентом России Б. Н. Ельциным. По немецкой прессе "Ельцин произвел на германских деловых людей и политических деятелей впечатление политика, который знает, чего он хочет". Маленькое интервью на аэродроме: Ельцина спросили, отчего он прилетел на обычном курсовом самолете, а не на своем президентском самолете? Ельцин ответил: "Когда всем в нашей стране будет

лучше жить, тогда и президент заведет свой самолет”.

Посещение было очень удачным. Ельцин произвел на всех хорошее впечатление серьезного государственного деятеля, который знает, чего он хочет. Многие предубеждения, еще бытовавшие в Германии, были устранены. Промышленники в Кельне, к которым обратился с речью Ельцин, были поражены его знанием дела, его точными и конкретными формулировками. То же самое отмечали и канцлер Коль, и президент Германии Вейцекер. У всех создалось впечатление, что с Россией, ставшей на такие рельсы конкретных умных реформ, можно сотрудничать. Вот только удастся ли эти прекрасно задуманные реформы на самом деле провести в жизнь? Не сорвет ли их все еще преимущественно коммунистический Верховный совет? Эти сомнения, конечно, остались. Тем не менее уже налаживается экономическое сотрудничество. Особенно положительные шаги намерен предпринять шеф концерна Даймлер-Бенц Рейтер. Ельцин полтора часа отвечал на вопросы депутатов Бундестага, вернее, его комитета по внешнеполитическим отношениям. И эти депутаты отметили точные, деловые ответы, которые президент России давал на заданные вопросы. Между прочим, оказалось, что Ельцин знает и ценит книгу Людвиг Эрхарда, творца немецкого послевоенного “хозяйственного чуда”. С редким единодушием все фракции Бундестага, т. е. депутаты всех партий, высказались за посильную помощь России. Кампания зимней помощи для

преодоления этой зимы уже началась. К сожалению, Германия уже бухнула в бездонную горбачевскую “бочку” 60 миллиардов марок, и сейчас больше не в состоянии дать новые кредиты. Но президент России несколько раз подчеркивал, что он приехал не как проситель, а как человек, протягивающий руку для сотрудничества между новой Россией и новой Германией, как он выразился. Все же ряд общих проектов был уже теперь намечен, особенно по энергетике. В Штутгарде был подписан проект основания в Екатеринбурге центра для создания среднего слоя, т. е. мелких и средних предпринимателей и ремесленников.

В чисто человеческом отношении атмосфера была хорошей, дружеской. Население не устраивало истерических оваций, как когда-то для “Горби”, но собралось для дружеского приветствия. Это и лучше. Истерия и эйфория совсем не нужны, нужны прежде всего деловые и затем спокойные дружеские отношения. На приеме у Коля и Вейцекера вспоминали дружеские немецко-русские отношения еще при Александре II и Бисмарке, а президент Вейцекер прочел даже стихи Тургенева в немецком переводе о дружбе русских и немцев. Наконец-то везде реял трехцветный российский флаг.

Общее впечатление: у России есть шанс восстановления, и ее президент может повести ее по правильному пути. Если Россия этот шанс упустит, то... Даст ли Господь второй шанс?

А. ФЕДОСЕЕВ

“БЕЗ ТРУДА НЕ ВЫТАЩИШЬ И РЫБКУ ИЗ ПРУДА” ПРОГРАММА ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Название СССР явно устарело и вызывает неприятные ассоциации. Поэтому я решил называть страну 300 миллионов жителей и полутора сотен наций дореволюционным именем России.

Почему в этой стране с устаревшим названием СССР нет в достатке товаров и услуг, цены высоки, а зарплаты низки для большей части населения? Потому что трудящиеся страны (ученые, инженеры, ремесленники, рабочие, крестьяне, работники торговли, транспорта, образования, литературы, искусств и т. д. не производят их в достатке и по приемлемым ценам. Почему они не производят? Потому что вынуждены работать на государство по его диктату, а не на себя и по своему усмотрению. Потому что не имеют в своем распоряжении ни земли, ни средств производства и не имеют права на самостоятельную производительную деятельность. Способны ли они на такую деятель-

ность? Ведь сколько среди них бездельников, “несунов”, бракоделов, ни к чему негодных работников. Однако наши народы тысячи лет были не хуже американцев, англичан, немцев, французов. Посмотрите, какую огромную страну они создали, превратив ее в великую державу еще до 1917 года! И сейчас в стране миллионы талантливых, трудолюбивых людей, а не только “несуны” и бездельники. Запретите американцам работать на себя и по своему усмотрению, как это было сделано социализмом для всех российских народов, результатом будет та же материальная и духовная нищета. Если не хуже. “Несунов”-то, согласно статистике США, среди них и СЕЙЧАС много!

Если 300-миллионный российский народ получит СВОБОДУ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ТРУДА НА СЕБЯ, через три-четыре года всего будет вдоволь и по доступной цене. Можно будет только удивляться, куда же

делись все эти бездельники, бракоделы и неумехи? Через лет десять-пятнадцать в нашей стране будет лучше жить, чем в США.

Итак, дело в свободе труда на себя. Превратите побольше миллионов трудящихся в частных собственников-предпринимателей, работающих с наемной рабочей силой и в одиночку, и получите самое настоящее экономическое чудо превращения нищей страны в передовую, процветающую державу. Притом в самое короткое время.

Спрашивается, как теперь к этой свободе перейти от социалистического рабства и, главное, перейти с наименьшими страданиями, т. е. без массовой безработицы, без увеличения нищеты, без насилий над людьми? Ниже и представлена такая программа. Она имеет в виду начинать с нынешнего состояния дел: республики независимы, департизация по России производится и т. д.

1. Поднять зарплаты, пособия, пенсии до прожиточного минимума, но ТОЛЬКО тем, кто этого прожиточного минимума не имеет. Стараться поддерживать их на этом уровне и дальше.

2. Заморозить цены АБСОЛЮТНО НА ВСЕ: продовольствие, сырье, строительные материалы, электроэнергию, бензин, машины, инструменты, топливо, военное снаряжение и т. д. и т. п. Замораживать цены нужно именно на все, так как повышение цен, например, на сырье, энергию, бензин повысит стоимость производства всего остального и цены нельзя будет заморозить. Не замораживать цен на военную продукцию — значит дать военно-промышленному комплексу возможность, повышая свои цены, иметь больше денег в своем распоряжении ЗА СЧЕТ ДОХОДОВ ОСТАЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ.

3. Все зарплаты, за исключением тех, которые ниже прожиточного минимума, ЗАМОРАЖИВАЮТСЯ. Если не заморозить зарплаты, невозможно заморозить цены (зарплаты целиком входят в цены). Подтягивание зарплат и других средств жизни к прожиточному минимуму должно произойти НЕПОСРЕДСТВЕННО ПЕРЕД замораживанием цен. Величина прожиточного минимума должна быть обнародована правительствами республик.

Осуществить 1, 2, 3 следует по соглашению со всеми республиками по всей стране. Это в общих для них всех интересах.

Обратите внимание, что "ПИРОГ", т. е. общее количество товаров и услуг, произведенных в стране, от этих трех мер не увеличится. Дефицит товаров не исчезнет. Просто тот же пирог будет распределен среди населения так, что беднейшая, самая уязвимая и страдающая часть получит больше товаров и услуг (доходы увеличатся), а люди с достатком получают поменьше (их зарплата сохранится).

После этого, социально защитив наиболее нищую часть населения, НУЖНО ВВОДИТЬ МЕРЫ ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ САМОГО ПИРОГА, Т. Е. ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СТРАНЕ И, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ. Это значит, что нужно вводить такие меры, которые ведут К СВОБОДЕ ТРУДА НА СЕБЯ, т. е. передают средства производства в распоряжение самих трудящихся и передают плоды их труда в их собственное распоряжение.

Эти меры, видимо, увеличат сопротивление аппаратчиков государства и КПСС, сопротивление генералов и части офицерского состава, сопротивление аппарата КГБ. Для уменьшения этого сопротивления следует по всем газетам объявить, что:

4. Новый, послесоциалистический строй имеет в виду, что все эти сопротивляющиеся новому люди выполняли свои социалистические обязанности и не являются преступниками (кроме, конечно, тех, кто мучил, убивал, но и они лишь подлежат открытому суду В БУДУЩЕМ, лет через пять, а не немедленной расправе). Эти люди тоже являются частью населения страны, тоже полезны и нужны с их ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ знаниями и опытом и для нового строя. Они получают место в новом строе, соответствующее их полезным знаниям и способностям. Они приглашаются к сотрудничеству и предупреждаются, что их сопротивление безнадёжно и может им сильно повредить, превратив их в настоящих преступников.

5. Все крупные предприятия тяжелой, военной, легкой промышленности и транспорта, т. е. всего народного хозяйства, передаются безвозмездно в полное распоряжение их работников. (Включая землю, на которой они расположены.) Своей продукцией они могут торговать беспрепятственно по ЗАМОРОЖЕННЫМ ценам, заключая договоры с любыми организациями или предприятиями, но прежде всего с теми, с которыми и раньше имели связи по поставкам им, а также по своему снабжению ими. Они могут торговать с заграницей по любой цене в валюте и тратить все внутри страны или на закупки за границей.

Время и процедуру преобразования работники определяют сами. Каждый работник становится пайщиком-владельцем предприятия с величиной пая в соответствии со своей зарплатой на момент преобразования. Пай может продаваться или покупаться. Предприятия могут нанимать новых работников, но без выдачи им п... Если работник с паем уволится, пай не лет ему права участвовать в коллективном управлении предприятием.

Распределение ответственностей и обязанностей на предприятии должно на первые

три года сохраниться прежним без изменения.

Несомненно, что продуктивность предприятий не понизится, а повысится, что увеличит пирог и улучшит жизнь в стране.

6. Завершить передачу земли в собственное распоряжение фермеров, включая бывших членов совхоза и тех колхозников, которые захотели выделиться и стать фермерами. Совхозы, как госпредприятия, или делятся, или переходят в собственность их работников на паях. Колхозы должны решить сами, оставаться им колхозами или делиться.

Если человек захочет продать свою землю, то ее цена должна быть равна цене всего того, что на этой земле произведено трудом человека. Владеть пустой, неиспользованной землей и, тем более, продавать ее должно быть запрещено Конституцией. Это важно потому, что земля как территория увеличена быть не может. Повышая цены на продукты человеческого труда и повышая прибыль от них, можно увеличить их производство, а увеличение производства и конкуренции понизит цены. К земле это не относится. Количество земли от спроса на нее не увеличится. Не увеличится оно и от повышения цены на землю при продаже или от повышения арендной платы на нее. Просто цена земли войдет в цену домов, других зданий и всего, что произведено на этой земле. В результате, чем выше нужда в земле для нашей жизни, тем она будет дороже и дороже, удорожая и всю продукцию народного хозяйства и притом беспрдельно и нецелесообразно. Так везде в мире и происходит, и возможность торговли пустой территорией повышает цены на весь пирог в пользу собственности пустой земли, т. е. является НАЛОГОМ в его пользу, достаемым ему без производительного труда с его стороны. Из-за этого стоят пустыри, заколоченные дома, а людям негде жить и работать. Приобрести жилище или снять его в аренду становится все более недоступным по цене. Мелкий бизнес тоже разоряется из-за слишком дорогих зданий и дорогой их аренды.

7. Обеспечить всем фермерам бесплатный или очень недорогой (по низким процентам) государственный кредит. Обеспечить им доступ по ЗАМОРОЖЕННЫМ ценам к сырью, химикалиям, энергии, бензину, машинам и т. д. по взаимной договоренности с поставщиками.

Это резко увеличит производство сельскохозяйственной продукции и понизит цены на нее, улучшив качество. Улучшит жизнь населения.

8. Продать остальные мелкие производственные, транспортные, торговые предприятия в собственность отдельным лицам или по их желанию работникам этих предприятий. Трудно продаваемые передать безвозмездно в

собственность на паях их работникам. Обеспечить новым владельцам недорогой государственный кредит и доступ по замороженным ценам к любым товарам или услугам по взаимной договоренности с поставщиками. Эта операция, несомненно, резко увеличит количество товаров и услуг в продаже по замороженным или более низким ценам. Улучшит жизнь населения.

9. Узаконить полную свободу частной собственности и предпринимательства с наемной рабочей силой или в одиночку. Обеспечить предпринимателям недорогой государственный кредит и доступ по замороженным (или более низким) ценам к сырью, энергии, бензину, машинам и т. д. по соглашениям с поставщиками. Это и еще увеличит количество товаров и услуг на рынке. Увеличит пирог.

10. Передать семьям, живущим на жилищном минимуме, их жилища в полную их собственность с правом продажи или сдачи в аренду. Продать остальным семьям их жилища за доступную для них, НЕ рыночную плату с правом продажи или сдачи в аренду.

11. Выделить всем желающим безвозмездно участки земли для постройки домов. Обеспечить их недорогим государственным кредитом и доступом к материалам по замороженным ценам. Сделать это в первую очередь для бездомного офицерского и рядового состава армии.

Это резко ослабит жилищный кризис и заинтересует армию в преобразованиях.

12. Может быть, следует, по соглашению между собой и Центром, республикам взять расквартированный на их территории личный состав вооруженных сил страны на свое обеспечение ПО ЗАРПЛАТАМ и ЛИЧНОМУ ДОВОЛЬСТВИЮ. Это заинтересует армию в преобразованиях.

13. По соглашению между собой и центром следует республикам взять все части КГБ, расквартированные на их территории, в свою юрисдикцию и на свое обеспечение. Это сделает КГБ исполнителем воли парламентов и правительств республик.

14. Перевести все организации милиции, находящиеся на территории республик, под юрисдикцию и на полное обеспечение самими республиками. Ликвидировать весь ОМОН. Милиция станет служить населению республик. Видимо, следует сделать то же самое с органами прокуратуры и суда.

15. Перевести всю собственность и население, находящиеся на территории республик, под юрисдикцию республик. По соглашению с республиками центральное правительство Союза оставляет в своей юрисдикции только распоряжение ядерными и вооруженными силами, а также минимально необходимую другую собственность.

16. Перевести все организации дошкольно-

го, школьного и высшего образования в собственность их работников на паях.

Выдать родителям дошкольников и школьников чеки на оплату школ на сумму, соответствующую существующим затратам государства на одного ученика. Родители будут таким образом оплачивать школы и воздействовать на процесс образования. Родители к государственным деньгам могут добавлять при желании свои, чтобы улучшать образование. Миллионы родителей лучше знают, что нужно их детям, чем любое правительство. Таким образом, школьное образование будет, как и раньше, оплачиваться государством, но станет частным, более качественным и гибким.

Каждому нынешнему студенту вуза или заново поступившему выдать недорогой государственный, ежегодный кредит до окончания вуза с возвратом кредита в течение 20 лет по окончании. Сумма ежегодного кредита должна покрывать плату за обучение и общежитие в данном вузе и расходы на жизнь. Это приведет к очень серьезному отношению студентов к учебе и обеспечит переход на частное высшее образование. Следует, вероятно, государству списывать долг студентов, окончивших ВУЗ с отличием.

Естественно, что любые граждане или их организации имеют право открывать любые новые частные учебные заведения. Следует и их обеспечить недорогим государственным кредитом и доступом к снабжению по рыночным ценам.

17. Все предприятия медицины и обслуживания здоровья населения, включая дома отдыха, курорты, гостиницы, следует передать (или, при возможности, продать) в собственность их работников на паях. Естественно, любой гражданин или организация могут открывать собственные новые частные заведения здравоохранения.

Каждый, пользующийся услугами этой частной медицины, получает от государства чек на сумму в размере существующих затрат государства на данную услугу. В ДАЛЬНЕЙШЕМ каждый житель должен в обязательном порядке застраховаться по своему выбору в страховом обществе (которые, несомненно, появятся). Оплата и будет В ДАЛЬНЕЙШЕМ производиться страховыми обществами по личным страховкам.

18. Все радио и телевизионные предприятия, издательства и редакции газет, журналов и книг переходят в собственность их работников на паях.

19. Все предприятия почты (и "Союзпечати") и телефонно-телеграфной связи переходят в собственность их работников на паях.

20. Отменить все "ПРЯМЫЕ" налоги, т. е. налоги на людей, организации и предприятия, заменив их "КОСВЕННЫМИ" налогами на

сами товары или услуги. Это и будет будущим доходом государства для обеспечения его аппарата, вооруженных сил и нужд нетрудоспособного населения. (Под государством везде имеются в виду республики).

Имейте в виду, что ВСЕ НАЛОГИ ВСЕГДА И ВЕЗДЕ ВХОДЯТ В ЦЕНЫ ВСЕХ ТОВАРОВ И УСЛУГ. ПОЭТОМУ ЦЕНЫ НЕ ИЗМЕНЯТСЯ, ЕСЛИ СУММА ВСЕХ СУЩЕСТВОВАВШИХ "ПРЯМЫХ" И "КОСВЕННЫХ" НАЛОГОВ БУДЕТ ВЗЯТА В ВИДЕ ОДНОГО "КОСВЕННОГО" НАЛОГА НА ТОВАРЫ И УСЛУГИ. Например, зарплата входит в цену продукции, и, следовательно, в цену войдет и налог, который уплатит работник из своей зарплаты. Уплатите работнику его чистую (за вычетом налога) зарплату. Его чистый доход не изменится, цена продукции не изменится, лишь взимание налога будет происходить не с работника, а с продукции. То же самое имеет место со всеми остальными "ПРЯМЫМИ" налогами. Такая реформа упростит всю систему налогов и удешевит ее. Главное, что это чрезвычайно психологически стимулирует производительную деятельность населения и резко увеличит пирог, т. е. резко повысит уровень жизни в стране.

Конечно, чтобы госаппарат не занимался расточительством, нужно ограничить КОНСТИТУЦИЕЙ полную сумму государственных налогов и любых сборов, скажем, 25% от стоимости всего пирога (национального продукта) и запретить (В БУДУЩЕМ) дефицит бюджета.

Сбор всех налогов должен производиться республиками, которые должны передавать определенную законом по соглашению с Центром их часть на содержание центрального аппарата. В дальнейшем рекомендуется передать сбор налогов местным властям. Все верхние этажи управления государством должны финансироваться местными властями. Аппарат государства этим будет поставлен на службу населению, а не будет господствовать над ним.

21. Ликвидировать все ГОСЗАКАЗЫ и государственное планирование. Все свои государственные нужды в товарах и услугах Центр и республики должны покрывать, покупая их по замороженным ценам у производителей. Для этого и будут служить налоги. Также должно обеспечиваться содержание вооруженных сил.

22. Во избежание монополизма и вызываемой им спекуляции рекомендовать при передаче крупных предприятий их возможное разукрупнение на самостоятельные части.

Во избежание такого же монополизма в области власти в профсоюзах рекомендовать узаконить один профсоюз на одно предприятие, а также установить одну максимальную численность членства любых общественных

организаций. Гигантские общественные организации всегда узурпируют власть населения.

23. С целью выполнения парламентами именно воли населения обязать каждого кандидата в общественные избранники иметь свою собственную, личную программу (независимо от принадлежности к партии или другой организации), зафиксированную письменно и всенародно. Если избранник начнет действовать против своей, обнародованной при выборах программы, население имеет право его отозвать. Для этого нужно собрать петицию с подписями и адресами не менее 10–20% его избирателей. После этого провести повторное голосование за или против.

Кандидаты в избранники назначаются местным населением с помощью петиций с достаточным числом подписей и адресов.

При формировании органов власти необходимо строго следовать принципу разделения властей. Законодателям следует назначать исполнительную власть из числа профессиональных специалистов страны, а при необходимости их смещать и заменять другими специалистами. Судьи должны назначаться пожизненно.

24. Отменить прописку и всякие запреты на свободное перемещение жителей.

25. Действия, направленные против указанных преобразований, объявить строго наказуемым преступлением.

26. Через три года после осуществления данной программы избрать по п. 23 в каждой республике Учредительное собрание, которое должно выработать и утвердить Конституцию каждой республики, определить ее отношение к Союзу Суверенных республик и заключить соответствующий договор об этом Союзе. Право выхода из Союза за республиками сохраняется.

Можно видеть, что темп преобразований будет быстрым, но работники предприятий и население будут сообразовывать их ход, как выше отмечалось, со своими обстоятельствами. Использование для этих преобразований мозгов всего 300-миллионного населения обеспечит их максимально возможную гладкость и безболезненность.

Можно видеть, что эта программа вызовет колоссальный дефицит бюджетов, но освободит огромную созидательную мощь 300-миллионного населения, которая создаст изобилие товаров и услуг, понижение цен в результате сильной конкуренции производителей и ликвидирует все дефициты бюджета. Здоровая экономика приведет к здоровым финансам, к стабильности цен, к обеспечению денег товарами и услугами в полную меру, к высокой конвертируемости нашего рубля. После этого будет нетрудно обменять старые дензнаки на стабильные и ценные новые.

Следует отметить колоссальный вред для

хода преобразований государственного грабежа, проводимого сейчас по всем линиям и имеющего целью невозможную в нынешних условиях ликвидацию дефицита госбюджета. Этот грабеж нужно немедленно прекратить и заботиться не о ликвидации дефицита, а о создании для населения **ЯВНОЙ ВЫГОДЫ** для предпринимательской и фермерской деятельности.

Следует отметить огромную важность создания **КОНКУРЕНЦИИ** частных производителей перед покупателями-потребителями (население) как главного механизма автоматического управления экономикой в пользу населения. Как механизм, действующего в пользу развития и процветания.

Стоит отметить, что такая программа исключит массовую безработицу, не допустив дальнейшего снижения производства и обеспечив огромный рост потребности в рабочей, умственной и физической силе. Эта потребность будет создана превращением миллионов и миллионов трудящихся в частных собственников — предпринимателей и фермеров с наемной рабочей силой, как физической, так и умственной.

Очень важно понять, что **программа НЕ ДОЛЖНА быть ориентирована на справедливость. Это невозможно.** Задача программы — преобразовать социализм в нормальное, человеческое общество. Само новое общество и обеспечит высшую справедливость и выполнение невыполнимого при социализме прекрасного лозунга: от каждого по способностям, каждому по труду. В новом обществе человек сможет улучшать свою жизнь, **ТОЛЬКО** улучшая жизнь других и всего общества. Ведь если не произведешь того, что нужно, и по доступной цене всем другим, в условиях **КОНКУРЕНЦИИ** не получишь денег и сам.

Стоит отметить, что осуществление этой программы обеспечит любому жителю все права человека, даже без их провозглашения законом. Это, конечно, не исключает необходимости зафиксировать эти права в Конституции.

Все нынешние правители и новые кандидаты, рвущиеся к власти, должны понять, что приказами, насилием, танками невозможно заставить население продуктивно трудиться. Понять всю ничтожность собственных сил перед огромной творческой, созидательной мощью 300-миллионного населения. Только оно само, своим трудом ("без труда не вытащишь и рыбку из пруда") может вытащить себя из катастрофы. Другой альтернативы **НЕТ**.

Автор предлагает всем дискуссию.

Мой адрес:

Dr. A. Fedoseev
Box 373 GPO. London, EC1 PJ
England

Д. ШТУРМАН

В порядке дискуссии

"Т А Й Н А В Е К А"

"...удалось дозвониться до дачи Горбачева в Крыму! ЖИВ КУРИЛКА! И здоров, между прочим. Только понервничал чуток. '72 часа, как в Брестской крепости' — говорит. Недоволен он теми, кто про его здоровье и 'невозможность исполнять обязанности' слегка приврал, баловство это, и даже переворот, приеду, говорит, в Москву, с должностей снимаю."

Сагадат Хабилов, Дневник из осажденного парламента.
"Московские новости" № 35, 1 сентября 1991 г.

"...слегка приврал, ...баловство это, ...с должностей снимаю" — странная, не правда ли, реакция главы государства на попытку государственного переворота? Да еще — пленника, поставленного узурпаторами в смертельно опасные обстоятельства (чуть более поздняя риторика Горбачева).

Однако выражался он поначалу именно так. А вернувшись, заговорил о "государственных преступниках" и о суровейшем возмездии.

По всему миру гуляет новый анекдот: Горбачеву присуждены три "Оскара". Один — за сценарий, второй — за режиссуру, третий — за блестящее исполнение второстепенной роли.

Все очень похоже, но возникает вопрос: была ли роль Горбачева в политико-детективном фильме, за который ему присуждены "Оскары", столь уж второстепенной?

Итак, 19 — 20 — 21 августа 1991 года, Москва.

Прежде всего четко повторим то, что уже не раз прозвучало: этот поразительный "путч" был удивительней всего тем, что он провалился.

Нет ни малейшего сомнения в потрясающей готовности к сопротивлению со стороны безоружных людей, которые воспринимали происходящее нормально и потому не могли не думать и не ощущать, что за танками, двинувшимися на ВС РСФСР, стоит беспощадная и тупая сила, готовая на все. Те тысячи, а потом десятки тысяч москвичей и приезжих, которые вышли на улицы, убеждали солдат не стрелять и не давить людей, заслоняли собой штаб сопротивления, те танкисты, что не двинулись на толпу (но и приказа такого у них еще не было? Или был? И боезапаса не было? Или тоже — был? Пишут и так и этак), люди в московском Белом доме, миллионы других людей в стране и во всем мире знали по семидесятилетнему опыту: на Москву и — предположительно — на Ленинград (Санкт-Петербург) надвигалась убийственная и беспощадная мощь. Москвичи встали, а многие другие города — готовились встать, на пути этой несомненной для них мощи и беспощадности

с бесповоротной готовностью умереть, но более не признавать ее власти над ними. Какой бы ни оказалась истинная механика "путча", подвиг вставших против такой силы людей в своем героизме и качестве ничего не утратит. Так же, как слава погибших. Погибли — трое, готовы были погибнуть — десятки тысяч.

Часто теперь говорят, что для восьмимиллионного города около ста тысяч человек, решившихся на сопротивление, — это не так уж много. Но, если вспомнить, что в конце августа 1968 года в Москве демонстрировали против оккупации Чехословакии семь человек, которых тут же схватили, нам перестанет казаться, что сто тысяч — это "ограниченный контингент". В противостоянии такому врагу — это **массы**.

Но что же их все-таки спасло?

Если "путч" был задуман давно и его начальный удар планировался в форме военной атаки и физической расправы с Ельциным и активом демократии в двух столицах, поддержанной политическими средствами, то почему не состоялся этот ключевой шаг? Возможность его осуществить и непостижимое бездействие ГКЧП в этом смысле признаны всеми комментаторами событий. Так-таки всё решили саботаж "Альфы", две-три сотни авиадесантников и пара десятков невооруженных танков и БТРов у стен Белого дома? Не было у гекачепистов ракет и артиллерии? Не нашлось, если атака готовилась исподволь и всерьез, таких людоедов, которых не терзают кошмары совести после съеденных на ночь нескольких лишних интеллигентов ("черный" фольклор)? А "Альфу" с каких пор они стали терзать?

Высказываются предположения об одиозной личной бездарности и профессиональной несостоятельности "путчистов", решившей дело. Но для таких военных просчетов, как их бронированное топтание по Москве и вокруг Белого дома, надо быть не бездарностями, а идиотами. Крючков, Пуго, Язов, Бакланов, Лукьянов такой меры идиотизма на протяжении своей карьеры не проявляли. Говорят, что их вышибла из колеи неожиданная решимость жителей и руководства

обеих исторических столиц России встать насмерть на пути танков. Гекачеписты обнародовали свои тупые указы (в экономике — и впрямь дебилские), но, увидев, что люди не пугаются, что солдаты и офицеры вступают в диалог с горожанами, увяли, затряслись и... отступили. Почти по "Тараканищу" Чуковского. Так иногда бывает с хулиганьем, с пьяными: встретят бесстрашие, презрение, безоружный отпор и сникают, растворяются в толпе, в подворотнях, в бараках. Руководителям "путча" не привыкать было давить безоружных героев и потом спать спокойно.

Говорят еще, что они без колебаний давили "нацменов", а на русских у них не поднялась рука. А кого они давили и расстреливали в Новочеркасске? Отвечают: эти — не того поколения. Крючков и Язов — вполне того. И потом они, что, не знали, что вошли в Москву и движутся к Ленинграду (для них — не Петербургу)? что готовятся иметь дело с русскими? Не ждали такой реакции? Если (повторим) "путч" готовился давно и серьезно, то теми гигантскими аппаратами (они еще не растворились в небытии) слежения, контроля, осведомления и прогнозирования, которыми располагали все возглавившие его ведомства, включая ЦК КПСС, ситуацию можно было с удовлетворительной точностью просчитать наперед. Если шефы, допустим, дебилы и пьяницы, то среди их референтов и аппаратчиков есть все же и профессионалы, и не алкоголики. Совсем недавно Гавриил Попов потрясая технической оснащенностью информационно-аналитических аппаратов этих ведомств, в частности, опечатанного здания ЦК КПСС и находящихся под той же крышей президентских служб. Очень забавно мэр Москвы пошутил в одном из своих телеинтервью, что поскольку генеральный секретарь ЦК КПСС и президент СССР были тесно связаны в своей работе и им надо было постоянно общаться, то и президентские службы располагались весьма привольно в основном здании ЦК КПСС. Здание это имеет, кстати, колоссальный подземный комплекс, связанный тоннелями с самыми разнообразными объектами в Москве и вокруг Москвы.

Гекачеписты вылетели из Москвы двадцать первого августа не на периферию — готовить, допустим, к атаке верные части, а в Крым, к Горбачеву. О них невозможно даже сказать, что они бежали, потерпев поражение, ибо они так и не начали боя. И Лукьянов до последней минуты пребывания на свободе клялся своей сорокалетней дружбой с президентом, которой изменить, по его словам, был неспособен. И еще несколько деталей засели в память: например, слова Горбачева у трапа самолета, в Шереметьеве, несколько раз им потом повторенные (передаю по

смыслу точно, но не дословно): "Я им сказал, что они погибнут, что они проиграют"; "я их убеждал, что можно все предварительно обсудить на Верховном Совете". Он, правда, тут же подчеркивал — и неоднократно: "...погибнете — и черт с вами, но страну же погубите..." По газетам рассыпано и с телеэкрана прозвучало множество интересных реплик Горбачева. Может быть, они, на поверхностный взгляд, мелки, но лишь на поверхностный. Сводный их анализ можно дать только в книге, а не в статье. Но вот пример: слова президента, воспроизведенные одним из очевидцев ("Московские новости" № 34 от 24 августа): Горбачев сказал, что "...Янаева он берет на себя ("что я ему скажу, то он и сделает")" — обсуждались способы задержания заговорщиков.

Не будем перечислять здесь деталей событий в Форосе и вокруг Фороса, оговорок и проговорков Горбачева, его окружения и очевидцев событий, дающих нам основание для такого вопроса, но спросим себя: не кроется ли "неслыханная простота" провала "путча" в запутанных взаимоотношениях Горбачева с ГКЧП и демократами? А также в личности и, значит, в особенностях политики самого Горбачева?

Начнем, так сказать, с теории и притом — с повторения сказанного уже не раз, в том числе и автором данной статьи. Приведу в сокращенном варианте свои давние размышления над нашумевшей книгой Горбачева "Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира". (Д. Штурман, "Размышления на крутом склоне". Альманах "Стрелец" № 1 (61). Изд. "Третья волна". Париж — Нью-Йорк. 1989. Стр. 192—195. Статья писалась летом 1988 года.)

Примечательно прежде всего ее название. В небольшой книге политический деятель разноречивого, разномыслящего, чреватого бесчисленными катастрофами XX века обещает преподавать своей стране и всему миру *новое мышление*. Надо думать, что речь идет о миропонимании, более продуктивном и положительном, чем все прочие мировоззренческие и политические доктрины. Если название книги нас не обманывает и мы, действительно, обретаем в ней новое, снимающее нынешние тупики мышление для СССР и для всего мира, то человечество держит в руках откровение, сопоставимое по значению (страшно сказать) с Моисеевым законом и Нагорной проповедью. Если же это не так, а это не так и даже приближения к подобной значительности в книге нет, то вопиющая претенциозность ее названия оборачивается печальным и необъяснимым фарсом. Печальным — потому, что автор книги, по-видимому, не понимает смехотворности своих претензий, иначе он бы так ее не назвал. Необъяснимым

— потому, что его референты могли бы ему своевременно растолковать, насколько подобная претенциозность в глазах читателя искушенного вредит и ему, и его делу, в чем бы последнее ни состояло. Возможно, впрочем, что это название рассчитано более на “весь мир”, чем на “нашу страну”. А читатель, не погружавшийся всерьез и надолго в литературный и обиходный словарь коммунизма, может, при сильном желании, приписать адресованной ему книге многообещающую новизну мышления. Этот неискушенный читатель не только сочтет многие характерные для текста книги слова ранее коммунистам несвойственными, но и наполнит знакомые ему термины привычным для себя содержанием. Между тем, слова: демократия, демократизм, демократизация, независимость, гласность, критика, народная собственность, власть трудящихся и т. д., и т. п. — используются большевиками изначально, но наполняются ими совершенно не тем содержанием, которое слышит в них западный либерал.

От незнакомого с соответствующей словесностью и реальностью читателя ускользает, что лексика книги Горбачева не изменяет гениально обобщенным Дж. Орвеллом (“1984” и “Скотский хутор”) принципам коммунистической “новоречи”. Даже тогда, когда в тексте книги обыгрываются такие, действительно нетипичные для коммунизма предшествующих эпох слова, как “плюрализм”, “экономическое регулирование”, “обратная связь”, и т. п., Горбачев говорит не о том, что является общепринятым цивилизованным наполнением этих терминов.

Приведу пример: в книге Горбачева встречается обнадеживающий многих читателей термин “плюрализм”. Он не характерен для основного потока догорбачевской установочной кремлевской лексики. Но этому нововведению не стоит радоваться: при симпатичном термине “плюрализм” сразу же возникает определение “социалистический”. Оно фигурирует не только в книге и речах Горбачева, но и во множестве сочинений и выступлений представителей легализованного крыла нынешней подсоветской “гласности”. С помощью этого, казалось бы, чисто ритуального дополнения из понятия “плюрализм” исключаются все чуждые социализму возможности. Это слово превращается в свою противоположность: в сочетании со своим обязательным эпитетом оно обеспечивает господство все той же партийной идеологии с допущением, в лучшем случае, ее вариантов, но ни в коей мере не альтернатив.

Горбачев однозначно отождествляет в своей книге “демократию” (еще один обнадеживающий оптимистов термин) с “демократическим централизмом” (постоянный пропагандистский прием Ленина). На деле же это

антонимы, а не синонимы.

Само выражение “перестройка”, сегодня ставшее советским и международным речевым штампом, несло в себе поначалу радующий радикальный смысл, тем более что в названии книги оно сопряжено было с “новым мышлением”. Но в тексте книги Горбачев предупредил однозначно: многочисленные поступающие в ЦК КПСС из разных источников доказательства того, что, оставаясь в политических и экономических границах социалистического строя, прекратить многоаспектную деградацию СССР невозможно, приняты во внимание не будут. “Советское общество” (читай: кремлевское руководство) убеждено, по словам Горбачева, что это не так, и пересматривать свои позиции в этом вопросе не намерено. Так что термин и тут лжет: в книге речь идет вовсе не о перестройке, а, в лучшем случае, о капитальном ремонте все той же неизменной системы. Не будем гадать о том, какие намерения Горбачев таит про себя или к чему он пришел уже после публикации книги (у нас нет для этого достоверного материала). Но в книге, документе, по утверждению ее автора, программном, никаких признаков новизны по отношению к прежней партийной политике обнаружить нельзя, как нет ничего нового в обязательных для всех советских коммунистических лидеров апелляциях Горбачева к Ленину. В устах тех, кто читал и Ленина, и стенограммы приленинских партийных съездов, и “лениниану” Самиздата, Тамиздата, эмиграции, Запада, — апология этого страшного, умершего в тупике человека — преступная ложь. В устах же тех, кто ни Ленина, ни достоверной литературы о нем не знает, апелляция к его наследию в поисках выхода из тупика — симптом безответственного невежества. Чего больше у Горбачева? Он никогда не упускает случая сообщить, что читает Ленина, учится у него, обнаруживает у него ответы на сложнейшие вопросы текущего дня. Судя, однако, по его словарю и по кругу эксплуатируемых им идей, вряд ли он прочитал **всего** Ленина и, тем более, мировую литературу о нем. Думаю, что из всех кремлевских генсеков Ленина по-настоящему знал только Сталин. Скорее всего, Горбачев довольствуется характерным для всех его предшественников чисто инструментальным отношением к Ленину: извлечением (с помощью референтов — чем более знающих, тем более циничных) из колоссального ленинского наследия броских цитат, подкрепляющих его, Горбачева, данную акцию или данный тезис. Благо, при помощи усеченных отрывков из пятидесятипятитомного ленинского наследия — этого поистине необъятного тактического инструментария — можно подкрепить или опровергнуть все что угодно.

Только все собрание сочинений в целом, во взаимосвязи всех его компонентов, воссоздает реального Ленина. Поэтому истинный Ленин знаком далеко не всем тем, кто манипулирует его именем и даже высказываниями.

Картина "предкризисного состояния", набросанная Горбачевым в его книге, весьма мрачна. Рецепты, которые он в ней предлагает, не позволяют предположить, что он понимал или готов был исследовать ко времени ее написания истинные причины происходящего. Но даже если бы он в своей книге эти причины и констатировал (менее чем через год его некоторые коллеги подошли к определению этих причин вплотную), это было бы "новым мышлением" только для его партии, а не "для всего мира". "В мире", в том числе и в России, свойства социализма были предсказаны задолго до начала большевистского эксперимента, исследовались по его ходу и продолжают исследоваться все глубже.

Горбачев в своей книге игнорирует подобные материалы и рассуждает самым рутинным для коммунистических лидеров образом: он относит пороки системы на счет недоиспользования огромных потенций социализма, на счет "ошибок" (а несколько позже — преступлений) своих предшественников, начиная со Сталина, а также на счет несовершенств всего "человеческого фактора", то есть доставшихся новому руководству от "эпохи застоя" советских граждан. Между замечательным Лениным и не менее замечательным Горбачевым возникает эпоха плохих правителей, произвольно или по бездарности искаживших великую идею социализма и не использовавших ее неограниченных возможностей, на которые Горбачев не устает ссылаться и ныне (октябрь 1988 г.). Иными словами — "кадры решают все".

Что же касается "перестройки", то в книге (о реальности мы поговорим особо) все сводится к намерению ослабить нарастающее удушье централизованной до потери сознания экономики. Как? Так же, как и в бесславно сошедших на нет хрущевских и косыгинских "реформах": посредством ограниченной и управляемой имитации некоторых продуктивных моментов капитализма, естественно, по имени не называемого. Советский анекдот метко назвал такого рода реформы "инъекцией лекарственных средств в деревянную ногу".

Место и жанр не позволяют нам рассмотреть и сравнить соответствующие цитаты ленинских, сталинских, хрущевских, брежневских, андроповских и даже черненко-ских времен с образцами "нового мышления" Горбачева. Можно очень наглядно продемонстрировать сквозную тождественность как их констатирующей, так и их рецептурной фразеологии.

У лексики ленинской и сталинской эпох есть, правда, своя, особо кровопролитная, специфика. Будет чудовищной катастрофой, если она возродится.

Есть в книге Горбачева многозначительная притча: крутая гора, два человека на себе тащат вверх по склону тяжелые камни. Когда они в очередной раз спускаются за новым грузом, прохожий спрашивает у них, чем они заняты. Один из работников раздражается горькими жалобами на непосильность труда и тяготы жизни. Другой с гордостью и радостью говорит, что они участвуют в постройке прекрасного храма, который воссияет на вершине горы. И Горбачев заключает эту притчу назидательным выводом: второму все по плечу, ибо он трудится осмысленно и добровольно во имя внятной ему великой цели; первый же в этом смысле слеп, а потому ему так тяжело.

Нетрудно заметить, как мало радостного для советских граждан в этом поучении: в обещанный храм они давно не верят, как не верят в богов, которым этот мираж якобы посвящен; быт большинства из них тяжел и беден; труд (все того же их большинства) ближе к Сизифову труду, чем к самозабвенному творчеству. И ничьи призывы их уже не подвигнут на добровольный аскетизм и героическое созидание: эпоха даже слабых иллюзий для них миновала. А страх и безвыходность могут заставить людей отбывать рабочий урок, но трудового рвения большинству из них не внушат. Еще меньше у них оснований для творческого горения, которого хочет добиться от них Горбачев.

Остается заметить, что книга Горбачева написана плохо, скучно, бесцветно, чаще всего — неубедительной и поверхностной скороговоркой. В книге нет ярких мыслей и сильных доводов. Писал ли ее сам Горбачев или его помощники, не имеет значения: в любом случае он ее хорошо знает и санкционировал ее выход в свет.

Не согласится ли со мной читатель, имевший возможность пристально следить за всеми высказываниями Горбачева с апреля 1985 и по 22–23 августа 1991 года, что ни одной новой, самостоятельной, конструктивной идеи — по сравнению с его абсолютно пустой в этом смысле книгой 1987 года — Горбачев непосредственно после форосского пленения не произнес? Почти все, что говорилось им позднее, после встречи с российскими парламентариями, диктовалось, условно говоря, Ельциным, а то небольшое, что еще прорывалось у Горбачева от себя, не отличалось от изначальных идеологических установок. Эти установки принципиально не совпадали с позицией демократии. Но они ни в чем существенно не расходились со взглядами, к примеру, товарища Стародуб-

цева.

Главное же состоит в следующем: с того дня, когда впервые генсек Горбачев хозяйски произнес слово "перестройка", и до тех суматошных двух суток, когда он, только-только вывезенный из Фороса, все еще пытался продемонстрировать постоянство своих убеждений и последовательность своего курса, все еще старался сохранять интонации ключевой политической фигуры, он ни единожды так и не сформулировал вразумительно: ЧТО ВО ЧТО он собирается перестраивать?

Перечислим бегло главное из того, что Горбачев совершил за шесть лет.

Он приотпустил поначалу цензурные, а затем и репрессивные вожжи, ослабил подпругу на средствах массовой информации. Он подразбавил свой мертвый партийный язык некоторыми элементами, как ему представлялось, цивилизованной общечеловеческой фразеологии. Сразу вспоминаются: рев на армянских делегатов летом 1988 года; крик на прогоняемого с трибуны Сахарова; разговор с минским "активом" в 1991 году: "Надо еще разобраться, где у вас тут радиация, а где — провокация". И еще многое, многое — вообще, стиль речи и жестов, лучше всего воспроизведенный Геннадием Хазановым в его уничтожительной миниатюре 1989 года "Митинг в овчарне".

Горбачев решился отсечь непосильные уже для Системы оккупационные нагрузки, не без оснований надеясь, что Запад воздаст ему за это сторицей. И сделал это не прямо и честно, а в форме якобы — невмешательства в революцию соцлагеря. Это неожиданное снятие гнета с Восточной Европы принесло Горбачеву огромные политические дивиденды вне страны, но внутри страны поставило против него немалые силы: стальные шеренги макашовых, петрушенок и алкснисов (и не их одних).

Если бы Горбачев 1985 года был тем реформатором с четкой программой преобразований, которого и теперь некоторые еще пытаются в нем видеть (особенно на Западе), он не жевал бы невнятную и фальшивую партийно-идеологическую жвачку с апреля 1985-го по 23 августа 1991 года. Потом уже говорил не он, а его устами — его спасители: он сдался, пока — во всяком случае. Но не исключено, что он снова окажется хитрее своих очередных союзников. Сегодня журналы выходят намного медленней, чем разворачиваются события. Мы здесь говорим о Горбачеве вчерашнем и нынешнем, но не завтрашнем.

В 1985 году инерция подчинений всех аппаратов системы ее Центру была еще так велика, что некоторые принципиально-раскрепостительные, в потенции — фундамента-

льные, экономические реформы были, по меньшей мере, не исключены. Никто бы тогда (а вокруг Горбачева были и более дальновзоркие, чем он, люди) так сильно не сопротивлялся решениям Центра. Инерция централизма могла оказаться сильнее противодействия аппаратов. Но Горбачев настоящей хозяйственной перестройки так и не начал.

По меньшей мере, два его органических предрассудка не позволяли ему мировоззренчески эволюционировать, как это случилось со многими, даже на самых "верхах". Эти предрассудки не дали ему приступить к неподдельным реформам и заставляли его мешать другим сделать это вместо него. Первый из самых дорогих Горбачеву "устоев" — сохранение (вплоть до 1991 года — **любой ценой**) традиционного унитарного СССР. Горбачев отказывался понимать анахроничность этой своей политики с неодолимым упорством. Шесть лет он г. а. к. тически давал "добро" цекагебистскому ценоцированию кровавых межнациональных конфликтов. Последние позволяли ему показывать "нашей стране и всему миру", в ходе их усмирения, что никто, кроме патерналистского союзного Центра, не может погашать и держать в узде межэтнические антагонизмы огромного региона. Горбачеву тем легче было способствовать цекагебистской провокации, что Запад более всего боялся и по сей день боится дестабилизации подсоветской Евразии. Вопреки всей своей риторике, Запад более способствует ее усмирению, чем мирному демонтажу унитарной партократической империи, в который не верит. А в 1986—1988 гг. такой демонтаж еще был возможен. Заметим к слову, что такую же политику Запад проводит на Балканах: мнимая "стабильность" давно взорвавшейся коммунистической Югославии для ведущих политиков свободного мира важнее права народов на самоопределение. Тому же миру "целостности" приносятся в жертву и права человека, не отделяемые от прав народа, как и права народа — ничто без обеспечения прав личности. Есть основания предполагать, что в жертву фантому "стабильности" и "сильной власти" были принесены иракские курды и шииты, да и весь регион, оставшийся на прицеле у недобитого Саддама Хусейна. Горбачев, стоящий во главе СССР (которого уже нет), воспринимался и в существенной мере еще воспринимается Западом как гарант "стабильности", которой тоже уже нет. На все остальное, что происходит под его властью, свободный мир тчится закрыть глаза.

Но провокация, как это часто бывает, вышла из-под контроля ее инициаторов. Плоды этой провокации пожинает сегодня весь СССР (кто, впрочем, может сказать, что стоит сегодня за этой аббревиатурой?), и

главная жатва, возможно, еще впереди. Неизвестно, удастся ли устранить неуправляемость углубленного, ускоренного лжеперестройкой распада, создать цивилизованные формы Содружества в едином экономическом пространстве.

Второй безраздельно сросшийся с (под?) сознанием Горбачева его предрассудок — это неприятие (невосприятие) им несоциалистических выходов из социалистического тупика.

Ему казалось вначале, что престижней и дешевле всего — приотпустить "на более длинном ремне" (Ленин о крестьянстве, 1921) "гласность" (в смысле разоблачения "ошибок" прошлого и исправления "недостатков" настоящего). Он рассчитывал **беззастенчиво** удовлетворить этим и Запад, и собственную интеллигенцию, и бесчисленных жалобщиков на бюрократические злоупотребления.

Но, как и в случае с межэтнической провокацией, он не представлял себе, по слабой своей начитанности (он ведь и по сей день ищет света у Ленина), того напора, с которым раскаленная лава накопившихся за три четверти века, вызревших под гнетом КПСС разоблачений ударит по глубинным корням, обоснованиям и устоям Системы. В 1954—1984 гг. эту лаву **почти** удалось удерживать в Самиздате и Тамиздате, доступных тогда для сравнительно узких слоев читателей. Но и Госиздат изменился за эти годы, по сравнению со сталинскими, неузнаваемо. Почти — свобода средств массовой информации не могла не стать для Системы смертельным ядом. У социализма нет того запаса прочности, который жаждет в нем видеть Горбачев.

В 1986—1988 годах плотина цензуры перед вторым (после первого — "оттепельного") напором оживающего свободного слова не устояла. **Разрушительный** для Системы эффект публицистики нарастал лавинообразно. Прежде всего — публицистики, потому что великие книги читаются медленно и не всеми, особенно, когда сваливается на задержанного жизнью читателя в три года почти все нарабатанное в литературе за сто лет. Так нарастала мощность приведенного в неравновесное состояние реактора 4-го энергоблока ЧАЭС им. Ленина после прекращения подачи пара в турбину. **Конструктивному** же потенциалу литературы и публицистики Горбачев развернуться мешал изо всех сил. Чем? Травлей и дискредитацией политиков, ученых, писателей и публицистов, саботажем и срывом принципиальных реформ и хозяйственных начинаний. Он оберегал Союз ССР и социализм. Сначала он собирался (подобно Хрущеву) построить "хороший" Союз" и "настоящий" социализм, поэтому отправил на пенсию крайних ретроградов. Потом стало ясно, что никакая иная реальность унитарного СССР и социализма, кроме наличной, немыс-

лима. И Горбачев это практически принял. Легко представить себе, какие вокруг него должны были сгруппироваться союзники, кого он должен был отбирать в помощники. Лучшие — изгонялись или уходили, а вокруг Горбачева сплотились монстры, хотя и не очень им довольные: кашу-то заварил он...

Не исключено (этому тоже есть текстологические доказательства), что где-то к концу 1989 — началу 1990 года Горбачев понял, что Союз и Система входят в черномыслийский "разнос" (там — секунды, здесь — до нескольких лет: иные масштабы, другой класс явлений) и что косметика "человеческого оскала" идеологическую империю и социализм не спасет. Если принять эту гипотезу, то возникает вопрос: что помешало Горбачеву по-настоящему перейти в стан реформаторов?

Я предполагаю, что здесь проявилась глубинная личная несостоятельность Горбачева как человека и поэтому — как политика. Речь идет не о деятельности аппаратно-карьеристского, интриганского толка (в ней он мастер), но о политике большого историко-созидательного масштаба, высокой ценности.

Я осмеливаюсь утверждать, что для Горбачева судьба его и его семьи важнее судьбы любой идеи и любой системы. Он не игрок "до костра включительно" (Г. Померанц) ни в одной игре, ни ради какой бы то ни было идеи или задачи. Это по-человечески хорошо, ибо вроде бы исключает фанатизм. Но, с другой стороны, в основе такого исключения лежат не убеждения, а сугубо эгоистические эмоции (семья входит в "эго"), которые вполне могут вести и к беспринципным, и к опасным для других поступкам.

Горбачева долго именовали "центристом". Но сидение между двумя стульями (или на заборе — между двумя политическими пространствами), лавирование между антагонистическими группировками **без собственной** (пусть осторожной) программы реформ, без траектории продуманных (пусть медленных) **изменений** — это не центризм, это беспринципность политики, predeterminedная беспринципностью человека. Это дорога в тупик, и общий, и личный.

В 1990 году Горбачев уже не мог не понимать, что охранители и, в частности, люди, которыми (по логике и сродству партийной психологии) он себя окружил, не пощадят его в случае своей победы, как бы старательно он им теперь ни служил (а он служил им не слишком последовательно, с не всегда предсказуемыми выражениями). Если они победят, пусть ненадолго, им или тем, кто неизбежно придет за ними, будет достаточно одного того, что он объективно ускорил процесс распада Системы, для них столь

комфортной. Они — отыграются. Не менее отчетливо он понимал, что демократы, победив, в наиболее неблагоприятном для него случае отправят его в отставку, но ни ему, ни его семье их победа ничем физически не угрожает. То, что для охранителей — его вина, то для демократов — его заслуга, дающая право на благодарность.

Однако, как только проигрывался в создании Горбачева очередной вариант его перехода в стан демократов, — тут же, по-видимому, рождался и некий аналог саркастического сталинского вопроса: "А сколько у Папы Римского дивизий?" У демократов дивизий не было. По-видимому, именно этот факт для Горбачева долгое время оставался решающим.

Если для переведенного в Москву Горбачевым Ельцина сравнительно скоро возник вопрос, кто прав и за кем будущее, **если оно будет** (будущее с точки зрения не его, Ельцина, личной биографии, а с позиций России, истории, человечества, человека; руководствуясь этим вопросом, Ельцин быстро нашел, у кого учиться, что читать и на кого опираться), то для Горбачева главным сначала и до конца оставался вопрос, кто сильнее. И не в отвлеченном каком-нибудь (духовном, например) смысле, а в "простом, как мычание": у него сколько дивизий?

Именно из-за этого постоянного взвешивания вещей не сущностных, а вторичных Горбачев в начале 1991 года и оказался заложником охранителей. Некоторые считают, что вплоть до 18-го августа 1991 года он оставался их реально-полновластным главой, а не орудием. Я так не думаю. Не в статье, а (повторю) в книге можно было бы документально, текстологически показать рост зависимости Горбачева от "правого края" военно-гебистской и партийно-правительственной бюрократии.

Скорее всего, каждый раз выбирая тех, у кого дивизии, Горбачев 1990—1991 года уже понимал невозможность даже и в альянсе с ними спасти то, что он хотел бы спасти вместе с собой: единый Союз, социализм, свою популярность на Западе, первую роль в Союзе. Его стародубцевско-язовские убеждения все более превращались в риторику (и той он время от времени изменял, например, в конфиденциальных беседах с либеральными советскими экономистами и публицистами). Но все его (неоднократные) попытки как-то выскользнуть из лап охранителей, по советскому определению, "влево" заканчивались ужесточением их железной хватки. И он, возвращаясь на их сторону, каждый раз оказывался "правее" исходного положения, ибо недвусмысленно "правили" они.

Для того, чтобы человек очень себялюбивый и осмотнительный в какой-то момент

подобной эквилибристики пошел "ва банк", решился на крайний риск, надо было, чтобы в риске таился все-таки шанс выжить и освободиться от своих смертельных друзей, а в согласии уступить их очередному натиску — его, этого шанса, в конечном счете, не было бы.

Когда по-настоящему защищают **дело своей жизни**, идут ради дела на риск собственной жизнью. Когда защищают, грубо говоря, шкуру, шкурой рискуют только тогда, когда другого шанса спасти свою шкуру нет. Надо было каким-то образом заставить потерпеть поражение тех, кого он сам выдвинул и приблизил. Зачем? Чтобы избавиться хотя бы от них, обнаглевших — и все более требовательных. А главное — от свирепых когорт "наших", смыкающихся все более плотно за спинами тех, кого они, более сильные, молодые и беспощадные, вышибли бы из жизни следом за ним (его — первым). ("Наши" — термин тележурналиста А. Невзорова, национал-большевика приклатенно-кагебистского толка. После телефильмов Невзорова о литовских событиях и об омоновцах это наименование штурмовиков и сторонников Системы прочно вошло в язык публицистики.) Надо было избавиться от ближайших, и так, чтобы усилить не "наших", а демократов. А там — будет видно. Ленин никогда не рассчитывал наперед больше одного-двух тактических шагов — и выигрывал. Если Горбачев, действительно, попытался обречь на поражение своих доверенных и занимающих высшие посты в государстве сотрудников, то он разыграл эту свою (последнюю?) цекагебистскую комбинацию блестяще, с несвойственной ему до тех пор быстротой и смелостью.

Уже одно то, что он (скорее всего — неожиданно для них, на последнем этапе) не подкрепил введения чрезвычайного положения своей санкцией, сразу же осложнило их задачу. Они надеялись на легитимность президентской подписи под чрезвычайными указами и на доверие Запада к Горбачеву. От Горбачева Запад "скушал" бы, скорее всего, и чрезвычайное положение. Так думают многие обозреватели. Кроме того, Горбачев — Главнокомандующий Вооруженными силами СССР, и любые его военные санкции легче представлять как законные. Когда он (после длительных переговоров) наотрез отказался вводить чрезвычайное положение до подписания (20.8.1991) союзного договора и до обсуждения этой меры на сессии ВС СССР (26.8.1991), а также не подписал заявления о "временном" отходе от дел "по причине болезни", они из высших (после него) должностных лиц в государстве немедленно превратились в шайку переворотчиков. Скажем попутно о своем согласии с адвокатами

обвиняемых (уже прозвучали первые интервью адвокатов). Обвинение в измене родине в этом деле полностью неуместно: 1) в юридическом обиходе цивилизованных стран нет такого понятия — “измена родине”, есть понятие “государственной измены”; 2) что есть сегодня для обвиняемых “родина”? РСФСР? СССР? Республика или город рождения? 3) с кем они изменяли родине или государству? С каким их противником? Они занимали высшие в распадающемся государстве посты и пытались навязать ему свою политическую траекторию. Им можно инкриминировать превышение власти и злоупотребление служебным положением, а также — реальные последствия этих действий (гибель троих, огромный материальный ущерб). Но надо еще доказать (и об этом пишут и говорят уже открыто), насколько они превысили свои полномочия, т.е. как далеко намеревался зайти (до своего бунта на Форосе) сам президент страны, **ЧТО** он санкционировал или готов был санкционировать.

Скорее всего, ближайшее окружение Горбачева надеялось, что он поколеблется и отступит, как не раз бывало, тем более что физически, как им представлялось, он в их руках. Но они и просчитались: отсутствие его подписи под заявлением о болезни, изоляция от независимой врачебной комиссии, которой немедленно потребовали Ельцин и Запад, выдавали самостоятельность верховных “охранителей” с головой. Но они не посягали на государственный строй — они его жаждали законсервировать. Они изолировали президента, так как он, по их разумению, перестал защищать тот государственный строй, за который шесть лет обещал стоять насмерть: Союз СССР и социализм. Так что, победив, они нашли бы, в чем его обвинить. Но победить без него они не смогли.

Почему они его не убили? А чем бы это улучшило их положение? Повторим: опыт их взаимоотношений с Горбачевым позволял им надеяться, что он еще снова станет их ширмой, пусть и дырявой. Поехал же он в Лондон с химерой Павлова вместо вроде бы согласованной с девятью республиками программы Явлинского-Эллисона? Но одна только их растерянность от несвойственного Горбачеву упрямства не объясняет нелепости их действий 19–21 августа, как не объясняет ее и “Ай-кью” (“i-q”) большинства из них: на их стороне были и профессионалы, и далеко не идиоты (мы об этом уже говорили). В способности испугаться чужой крови мы им отказали.

Что же могло выбить почву у них из-под ног?

Для введения чрезвычайного положения (= “президентского правления”) Горбачевым и

ими исподволь было подготовлено **все**: статьи Конституции, указы, приказы, руководящие кадры, воинские спецконтингенты, “агрессивно-послушный” (Ю. Афанасьев) Верховный Совет СССР с его председателем и Президиумом, монструозные вице-президент и премьер-министр с его кабинетом, главы основных “силовых” ведомств: МО, ВПК, КГБ, МВД. О Политбюро и Секретариате ЦК КПСС нечего и говорить: эти (со своими газетами) были всегда как штык. Стерилизовали загодя и телевидение.

Я не думаю, что Горбачев задолго до августовских событий (в их явной части) замыслил и последовательно спровоцировал выступление ГКЧП, изобретательно подготовив его провал. Скорее всего, он, как всегда, колебался, и достаточно долго, а его команда — торопила его, давила, убеждала, возможно — грозила. Почему они рискнули все-таки действовать без него, а не продолжали выжимать из него согласие, как было не раз до этого? Им надоели его колебания, его ненадежность. Они видели, что при каждом его колебательном цикле он все терпимее выслушивает предложения “девятки” — руководителей республик. Их гнали к единственно понятным им мерам рушащаяся экономика, взрывающийся Союз. А новоогаревский процесс вел к абсолютной ненужности для возникающего сообщества как союзных ведомств в их тогдашних качествах, так и руководителей этих ведомств. От сладкой жизни в “холе и неженье” перейти в советский массовый быт при грозящем возмездии за совершенное — нет уж! Они попытались набить на идущий ко взрыву котел ободья потуже, плотнее привернуть крышку — замысел, губительный в перспективе для всех (и для них тоже).

Их подстегнула еще и ельцинская департизация с ее резонансом по многим республикам. Что осталось бы от них, от Системы после департизации? Горбачев ей не воспротивился с должной решительностью, указав Ельцину так и не отменил. Это их испугало и озлобило, толкнуло к действиям...

Последний раз Горбачев им подчинился, когда (повторим), бесцеремонно изменив новоогаревской “девятке”, повез в Лондон ублюдочный документ Павлова, а не программу Явлинского-Эллисона. Но, подчинившись им и подменив документ, Горбачев ни от “семерки” в Лондоне, ни от Буша в Москве практически не получил ни полушки. Ему дали ясно понять, что бросать деньги в бездонную бочку нелепой Системы больше не будут: приступайте к реформам. Перестав быть гарантом западной помощи, Горбачев утрачивал реальную ценность для своей команды — и понимал это. Дальнейшее торможение реформ лишало Горбачева доверия

деловых кругов свободного мира. Без них политики Запада ему помочь не могли. Собственное же население перестало доверять Горбачеву уже давно.

Итак, руководители всех основных ведомств Центра нажимали с введением чрезвычайных мер, а Горбачев — тянул. Между тем внятных для них доводов против принятия чрезвычайных мер у него не было: ведь он изначально стоял на общей с ними партийно-идеологической почве.

Горбачеву нечего было им возразить, кроме бессвязных ссылок на необходимость формального одобрения этих мер сессией ВС СССР. Какая в этом была необходимость? В том, что Лукьянов это одобрение обеспечит *post factum*, смешно было сомневаться.

Упорство Горбачева было, с точки зрения его команды, нелепым и весьма подозрительным. И оно-то и подтолкнуло будущих "гекачепистов" сначала к ультимативному (в отношении президента) шагу, а потом — к самозванству: они торопились опередить Горбачева — на тот случай, если он **всерьез** решится им противодействовать. Они хотели поставить его перед фактом своей победы, надеясь, что тогда он отступит.

Напомним один из сорвавшихся ходов правящей горбачевской команды, который свидетельствует о том, что приближенные из приближенных не всегда ему доверяли. Во время одной из его зарубежных отлучек тогдашний премьер Павлов, при активной поддержке Язова и Крючкова, пытался узурпировать право президента — подписывать указы, имеющие силу закона (лето 1991 года). Тогда это не прошло — даже в лукавновском Верховном Совете. Не доверял им до конца (в смысле безопасности и для себя лично) и Горбачев. Не помню сейчас точно, когда (но за факт и смысл публикации ручаюсь) в "Русской мысли" было напечатано принятое редакцией по телефону сообщение о беседе группы наиболее либеральных публицистов и экономистов с Горбачевым (конец 1989-го — начало 1990-го года?). Присутствовали Л. Пияшева, В. Селюнин, Ю. Черниченко и др. На этой встрече Горбачев спросил своих собеседников, знают ли они, где сосредоточились главные "самые твердокаменные большевики". И сам же ответил: "В военно-промышленном комплексе". И уговаривал демократов не ссориться с ним и не торопить его. А они объясняли, что медлить с реформами нельзя.

Мы вступаем сейчас в зону догадок и предположений, без опоры на документы, что для меня непривычно. Но все же попытаемся достроить версию.

Горбачев, надо думать, знал предполагаемую **конкретную диспозицию** введения чрезвычайного положения. Вероятней всего, что

она, эта конкретная диспозиция, была известна не всем членам будущего ГКЧП (к чему было бы посвящать в нее Стародубцева, Тизякова и даже Янаева!). Крючков, Язов, Пуго, Лукьянов и, разумеется, Горбачев — основная официальная фигура давно назначенной "президентской", то есть легитимной, акции — знали, конечно, все. Горбачеву должны были открыть основные карты хотя бы для того, чтобы доказать этому весьма осторожному человеку, что успех первого шага (устранение Ельцина и его ближайшего окружения) обеспечен.

Известно, что и Язов, и Крючков посещали его в Форосе до изоляции, вплотную к ней, долго с ним говорили. Он сам не раз повторил, что прежде всего они предложили возглавить всю операцию ему. Вспомните: растерянный Янаев еще и на одиозной пресс-конференции ГКЧП выражал надежду, что его друг Горбачев скоро будет здесь, рядом с ним, и вернется к своим обязанностям. Горбачева то ли, действительно, изолировали, то ли заставили имитировать изоляцию, то ли он сам ее имитировал. Но создается впечатление, что "путчисты" имели основания его шантажировать, потому и ринулись к нему в Форос после поражения, надеясь, что он хотя бы частично легитимизирует их действия. Их надежда могла основываться лишь на том, что Горбачеву был известен их план и что расхождения были только в сроках, что они его только немного опередили, "коллегально" решив, что так для страны будет лучше. Никто же не обвинил Брежнева и К⁰ в государственном перевороте за "коллегальную" отставку Хрущева! Откроется ли это на процессе "путчистов" (если он состоится), не знаю: у разных сил в СССР и на Западе есть много причин, реальных и мнимых, не компрометировать Горбачева. А купить смягченные показания со стороны его вчерашних сподвижников не так уж трудно. Но когда-нибудь откроется все. Вернемся, однако, к предполагаемой диспозиции московского штурма, которую Горбачев, по нашему убеждению, знал.

К слову сказать, в газетах, как советских, так и зарубежных, прозвучал ряд авторитетных профессиональных свидетельств о том, что изолировать Горбачева от мира **полностью**, парализовать **все** приданные ему средства связи было в тех обстоятельствах невозможно.

Не исключено, что с самого начала планировалось (и план этот был совсем не так глуп: он имел немалый шанс на успех — в первом ударе): москвичей без самой крайней необходимости не стрелять, лишь основательно пугнуть их громыханием гусениц; штаб-квартиру и вождей, актив демократии, которым дадут сосредоточиться в

Белом доме, взять или уничтожить броском численно ограниченных, но в такой ситуации неотразимых захватных подразделений; использовать телевидение; все остальное — решать потом, после нейтрализации российского Центра демократии. Втягивать крупные воинские силы, готовить дублирующие группы захвата не планировалось (зачем расширять круг посвященных?). "Альфовцы" окружали дачу Ельцина, даже находились внутри Белого дома, и для основной операции им нужно было, по их словам, от пятнадцати до тридцати минут. Это, пожалуй, единственное утверждение, в котором все "альфовцы" единодушны. Срезав голову (Ельцина и его окружение), гекачеписты надеялись восстановить безмолвие быстро. Надолго ли — это другой вопрос.

Если принять эту версию, то главным доказательством алиби Горбачева перед демократами и главной его оперативной задачей к 19 августа 1991 года было: обеспечить невыполнение первого и на данном этапе решающего приказа ГКЧП. Кем? Теми надежнейшими сверхпрофессиональными в своем деле силами, которым поручалось задание молниеносного захвата или уничтожения штаба демократии. Как Горбачев эту задачу решил, технической стороны дела я не могу себе представить: понятия не имею о конкретной структуре его связей. Но мне думается, что для президента и главнокомандующего такая задача не была нерешимой. Не могу я и размышлять о том, кто и когда, по обе стороны баррикад, был задействован для нейтрализации планов "путча", кто и когда узнал, что "Альфа" не выполнит поручения ГКЧП и пр. Я полагаю, что узкая база переворота была обусловлена тем, что планировалась президентская акция — введение "чрезвычайного положения", или "президентского правления", указом президента. Это позволяло не рассчитывать на военное сопротивление. И только неожиданный (для ГКЧП) маневр Горбачева, выведший из игры хоть и узкую, но неодолимую в первом ударе группу захвата, смешал все карты и породил трехдневный героизм — с одной стороны, абсурд — с другой. Другого объяснения, на мой взгляд, просто нет.

Пока — неизвестно, получил ли Ельцин, и если получил, то когда и как, сигнал о том, что "Альфа", "Зенит", "Каскад" и другие подразделения такого рода не вступят в действие. Если и получил, то он имел все основания не доверять этому известию до исхода двадцать первого августа, когда ход событий стал более или менее необратим.

Очень прозорливый политолог, прочитав вариант этой статьи, задал мне вопрос: "Что же у вас получается: что Горбачев спас Ельцина, а не Ельцин Горбачева?"

Мне представляется, что вопрос имеет два плана. Первый план — частный, эпизодический: очень может быть, что, разрушив конкретную диспозицию удара в самый удачный момент, Горбачев помешал "охранителям" уничтожить Ельцина, лишит демократию с таким трудом обретенного энергичного лидера. Второй план — глубинный, исторический: если бы Ельцин не сумел стать лидером и всенародно выбранным президентом, если бы он не представил России программы конструктивных реформ (пусть пока в наиболее общем виде), если бы он не сплотил вокруг себя лучших людей аппарата, в значительной мере — демократию (жаль, что не всю), а в самый критический момент — и население, то Горбачеву некого было бы спасать, не к кому было бы прислоняться, не на чью сторону было бы перебегать. Так что спас все-таки Ельцин Горбачева (и себя), а не наоборот. Горбачев лишь решился в самую, может быть, последнюю минуту на спасительный шаг. Вернемся, однако, к нашей гипотезе в ее конкретном воплощении.

Даже если Ельцин и получил какой-то обнадеживающий сигнал от самого Горбачева, он не мог на него положиться: слишком часто тот его подводил. Ельцин и после 23 августа на вопрос, верит ли он Горбачеву, в его присутствии отвечал: "Последние три недели верю, почти верю". Или: "Последние три недели верю больше, чем до этого". И Горбачеву приходится это глотать. Но сегодня у Ельцина, возможно, есть доказательства вышеупомянутой (и в той ситуации — решающей) акции Горбачева, что и предопределяет их взаимоотношения (в настоящий момент, но не более того).

Я не настаиваю ни на чем, кроме того, что такая гипотеза безумна не более многих других оправдавшихся гипотез и что она объясняет то, что иначе объяснить крайне трудно. Если она верна, то саботаж "Альфы" и ряда других военных подразделений должен был ощущаться гекачепистами как внезапное растворение в воздухе их собственных рук и ног. Естественно, что они испугались. Они и без того в плане мыслительном с неба звезд не хватили, а тут отпало одно из вернейших орудий. И часть армии. И народ не безмолвствовал.

Мне, к слову сказать, не верится в спонтанный и независимый саботаж "Альфы", тем более что ее генерал, высшие офицеры и остальной состав объясняют дело по-разному. Слишком уж тренированный и проверенный это отряд. Кагебистский ярлык "подразделение по борьбе с террором" всегда прикрывал суперпрофессионалов по осуществлению захватных и террористических акций. Легче поверить, что безнадзорность ситуации в дальней перспективе (а, значит, и крах всех сил,

активно работающих на охранителей, тем более — сил, непосредственно совершающих преступления) понял не только Горбачев. Экономический провал политики Центра; расстановка "гласностью" всех точек над всеми системными "и"; беспомощность и издевательская жестокость всех павловских хозяйственных акций создавали тот фон, на котором генсек-президент, юридически возглавляющий все вооруженные силы страны, легко мог склонить военачальников нужного ему уровня и назначения к выполнению его распоряжений, а не приказов ГКЧП. Ему надо было только успеть сломать известный ему план операции. И он успел это сделать, как-то связавшись с главными ударно-захватными силами до нанесения удара (а, может быть, и с некоторым запасом времени). Если все же окажется, что специальные силы КГБ и ВДВ отказались от операции без толчка со стороны президента, значит, эти люди лучше, чем мы о них думаем.

Что оставалось делать гекачепистам после измены их главной оперативной силы? Бежать и отомобилизовывать верные им части для завоевания обеих столиц? Не по фигурам задача, да и чересчур долговременная. Заговорщики ринулись к Горбачеву: объясни, мол, что мы тебя только опередили, разошлись в сроках, хотели как лучше. Но они совершили стандартную ошибку безнравственных политиков: человек, изменявший своему слову и долгу в союзе с ними (или под их давлением), изменит и им — под давлением других обстоятельств. Политики нередко этого по отношению к себе в своих орудиях и союзниках не предполагают. Уничтожают или изгоняют загода всех мало-мальски подозрительных, но на ком-нибудь да спотыкаются, из самых доверенных.

Итак, Горбачев, спасая, надо думать, себя, привел к поражению первопроходцев открытой военной атаки против российской демократии. Но заложником этих злобных и бездарных типов генсек-президент сделался в силу своих собственных качеств и взглядов. Какую роль он сыграет в последующих сериях фильма, за начало которого получил трех "Оскаров", посмотрим, однако сценарий и режиссура за ним, скорее всего, не останутся. Хотя...

Говорят и пишут, что КПСС покончила жизнь самоубийством, что Система — это теперь не более чем обезглавленный труп. Вряд ли: Система эта — Дракон о бесчисленных головах. Но если даже головы Системы отрублены, то ее гигантская плоть погружена во "взбаламученное море" одной шестой

части земной суши и в нем разлагается. Горбачев и те, у кого были дивизии, так долго саботировали все оздоровительные процессы в стране, что их налаживание во всех регионах вчерашнего СССР стало задачей неимоверной сложности. Но это уже другая тема.

Здесь скажем одно: коммунистический Голем разрушен; КПСС поставлена вне закона; в России есть силы, вооруженные здоровыми идеями, конструктивной программой, положительными нравственными идеалами. В отличие от коммунистической эпохи, они есть и на высших уровнях руководства. Это внушает надежду.

И отсюда, издавека, и из рассказов людей, побывавших в октябре 1991 года в Союзе или только что оттуда прибывших, возникает странное впечатление. Один наш знакомый, израильтянин (бывший прибалт и москвич), вернувшись из деловой поездки в Москву, сформулировал свои впечатления так: "Что-то кончилось, но ничего не начинается".

Может быть, это только видимость катаlepsии. Может быть, сверхсложность задач и их обдумывание людьми, на которых легла огромная ответственность, выглядят извне как некий стоп-кадр. Причем это очепенение заметней всего в самом, казалось бы, эпицентре событий — в Москве. Так, внутри урагана часто возникает мертвенно-спокойная безветренная зона — "око тайфуна". А вокруг него бушуют сокрушительные шквалы.

Что последует за этим стоп-кадром? Окажутся ли победители провалившегося "путча" на высоте непомерно сложных задач, которые они на себя взвалили? Не знаю. Не ведаю и того, решимы ли еще эти задачи в принципе.

Автор просит не судить его строго, если предложенная здесь версия не подтвердится. Возможно, что я непростительно идеализирую Горбачева, воспринимая суд Провидения как его интригу. Но я всегда помню слова о том, что Провидение не вмешивается в наши дела прямо и непосредственно, а действует через нас, предоставляя нам выбор. Подчеркну еще раз мысль многих: три дня августа 1991 года — это не эпилог событий, а их пролог. Впрочем, в Истории, пока она не кончается, эпилог — это всегда Пролог.

15 октября 1991 г.

P.S. Более ранний вариант этой статьи помещен в нью-йоркской газете "Новое Русское Слово" от 25 октября 1991 года. По сравнению с первой публикацией материал существенно расширен и доработан.

Б. ЛИТВИНОВ

ПОСЛЕ ПУТЧА (Актуальные заметки)

Символические самоубийства при загадочных обстоятельствах

Вечером 21 августа провал путча стал очевиден. Казалось, вся Москва пришла на только что переименованную площадь Свободной России. Собравшиеся по зову сердца ликующие москвичи и гости столицы поздравляли друг друга с победой, в результате которой они отстаивали демократию, законность, будущее своей страны.

Но не у всех тогда было радостно на душе. Кое для кого поражение путчистов было равносильно трагедии, кое-кому жить стало невмоготу.

В то самое время, когда народ торжествовал победу, в квартире министра внутренних дел СССР Бориса Пуго раздался выстрел: хозяин квартиры покончил с собой, пустив себе пулю в лоб. Почти одновременно сослуживцы 69-летнего маршала Сергея Ахромеева — военного советника президента СССР М. Горбачева — обнаружили своего шефа повесившимся в рабочем кабинете. Б. Пуго и С. Ахромеев открыли серию самоубийств высокопоставленных партийных и государственных чиновников.

26 августа выбросился с балкона своей квартиры последний управляющий делами ЦК КПСС Николай Кручина. Причина (по словам его первого заместителя В. Мишина): "нежелание терпеть возможные унижения, инсинуации". Спустя 40 дней, 6 октября, его примеру последовал занимавший ранее этот партийный пост 81-летний Георгий Павлов (не путать с бывшим премьер-министром Валентином Павловым). По случайному совпадению квартиры их обоих находились на 7-м этаже.

17 октября аналогичное смертельное сальто, но уже с 12-го этажа совершил еще один бывший партийный функционер — заместитель заведующего международным отделом бывшего ЦК КПСС 54-летний Дмитрий Лисоволик.

Что побудило их свести счеты с жизнью? Уж не тяготы ли ее, которые переживает весь народ страны, побежденной социализмом? Что имеется в виду под предполагаемыми "унижениями и инсинуациями"? Кто и почему вдруг покушался на честь и достоинство сих "благородных" рыцарей 20 века? Почему они как добропорядочные люди не могли защитить свою человеческую честь и достоинство?

Ответ прост: потому что не было у них

ни чести, ни элементарной порядочности, нечиста была совесть у этих высокопоставленных партийных и государственных чиновников, боялись они ответить за свои нечистоплотные действия перед народом, победившим 21 августа. Отвечать за свои поступки они не были приучены.

Победа народа не входила в их планы. Не могли они ее признать и принять, не могли с ней смириться. Августовская революция подвела окончательный итог их аморальной жизни. Безвозвратно рухнули принципы, которыми они не могли поступиться, и привычки, от которых они не могли отказаться. Дальнейшая жизнь стала для них психологически невыносимой.

Поражение путчистов — их единоверцев, единомышленников и соратников — одновременно означало политический и нравственный крах коммунистической партии, которой служили верой и правдой и генерал-гэбист Б. Пуго, и маршал-солдафон С. Ахромеев, и партийные завхозы Г. Павлов и Н. Кручина, и разработчик партийного внешнеполитического курса Д. Лисоволик. Все пятеро олицетворяли собой симбиоз аппарата правившей до тех пор партии и репрессивно-полицейского государственного аппарата. Насильственная смерть, которую они сами себе учинили, знаменовала собой начало очищения страны от смрада коммунистического прошлого, вступление ее в посткоммунистический период развития.

Но не стоит ли за этой цепью самоубийств кое-кто из ранее высокопоставленных партийных и государственных мужей? Не ведет ли ниточка в "Матросскую тишину" — следственный изолятор, где не по своей воле коротают время члены ГКЧП и их подручные? То есть не побудил ли, не помог ли кто-нибудь отправиться в мир иной пятерым бонзам, обладавшим немаловажными секретными сведениями и об антинародных действиях армии и правоохранительных органов, и о противозаконных международных акциях правившей элиты, и о тайных финансовых операциях КПСС? Уж слишком много они знали. Тем более, что из сведений, просочившихся еще до начала путча, партийно-государственная мафия почуяла запах жареного. Ведь "братство" подельников — главарей неудавшегося государственного переворота и их приспешников — являет собой коалицию, состоящую из руководства бывшей КПСС, военно-промышленного комплекса, КГБ и МВД. Разве можно считать случайностью

уничтожение в пожарном порядке партийными работниками массы документов в преддверии инвентаризации имущества их партии?

Именно здесь кроется истинная причина подозрительной атмосферы секретности, которой окружены эти самоубийства. Как и в не столь отдаленном прошлом, правда под благовидными предлогами скрывается от народа.

Расследование не проведено, тексты предсмертных записок не опубликованы, не преданы огласке заключения судебно-медицинской экспертизы. Гласность в данном случае оказалась непотребной.

Тем не менее официальные лица безапелляционно заявили, что добровольный уход из жизни Ахромеева и его последователей никоим образом "не связан с путчем". Кто, когда и на каком основании сделал вывод, что факты самоубийства не связаны и не могли быть связаны с уголовно наказуемыми деяниями, — этот вопрос остается открытым. Не потому ли, что публикация документов, связанных с самоубийствами властвовавших плутократов, высветила бы кое-какие дополнительные факты преступлений обитателей "Матросской тишины" и их сообщников?

Причастность Б. Пуго к путчу, неизбежная уголовная ответственность за это как причина его самоубийства ни у кого не вызывает сомнений. Что касается С. Ахромеева, то проигнорированы и его деятельность на посту начальника генерального штаба советской армии, и его неоднократные личные выпады против академика А. Д. Сахарова и других депутатов-демократов, и его постоянное блокирование с участниками переворота в ходе заседаний парламента СССР, и незаконное использование им в личных целях военных самолетов, и покупка за бесценок дачи и трех холодильников, что явилось предметом рассмотрения в депутатской комиссии по льготам и привилегиям. Не потому ли Фемида в данном случае избрала фигуру умолчания, что маршал Ахромеев до последней минуты своей "яркой" жизни служил М. Горбачеву в качестве его военного советника?

Что же касается Г. Павлова и Н. Кручины, то они распоряжались всеми средствами КПСС и унесли с собой в могилу множество тайн своей партии — недавней супергосударственной структуры, одетой в партийные одежды. Это они вместе с разделившим их судьбу Д. Лисоволиком только за последние 10 лет потратили 100 млн. долларов (народных средств) на содержание "братских" коммунистических партий.

Характерно, что советская коммунистическая печать ни в чем предосудительном не упрекнула самоубийц, даже идеализирует их. Возможно, она исходит из принципа: о

покойниках плохо не говорят. Да, обычный таков. Но в данном случае все пятеро были отнюдь не простыми смертными.

Обычно литература, история и особенно криминалистика не оставляют без внимания такого рода факты. Остается надеяться, что предстоящий суд над главарями провалившегося заговора приоткроет завесу секретности, вскроет причины самоубийств на столь высоком уровне.

Утро посткоммунистической эры

Политические события 19–21 августа 1991 г. в Москве и других городах и всякх Советского Союза сделали необратимым процесс реформ, начали серьезный прорыв в деле практического преобразования всех сфер жизни, т. е. явились катализатором развития общества, открыли новую главу в его истории.

Словно стремясь наверстать упущенное и чувствуя свою вину за происшедший переворот, союзный парламент накануне своего самороспуска принял экстренные решения по недопущению впредь рецидивов антиконституционных действий и предпринял другие меры, предусматривающие верховенство законности, цивилизованности общественных отношений в государстве, правовую защищенность его граждан.

Государственный аппарат очищается от лиц, причастных к заговору, и их приспешников. Расследуется деятельность КГБ, МВД, министерства обороны — до тех пор бесконтрольных ведомств, военно-полицейского спрута, служившего прежде правящей партии силовой опорой, являвшегося оплотом партийно-бюрократической государственности и в течение более семи десятилетий довлывшего над народом. Упразднены их политорганы. Бывшие гражданские и военные партаппаратчики вынуждены регистрироваться на биржах труда в качестве безработных.

Обновилось руководство источников массовой информации: "красный Геббельс" Н. Кравченко — до путча шеф центрального телевидения — заменен бывшим редактором радикально-демократического еженедельника "Московские новости" Егором Яковлевым, ТАСС возглавил бывший пресс-секретарь президента СССР М. Горбачева В. Игнатенко. Даже мимикрирующая "Правда" вынуждена была заменить своего бывшего главного редактора — секретаря ЦК КПСС И. Фролова.

Дозволенная сверху гласность превратилась в свободу слова. С 1 января 1992 г. отменяется крепостническая прописка. На помощь обществу пришла церковь со своими вечными общечеловеческими ценностями.

Новым прорывом в области прав человека явилась Московская конференция по человеческому измерению Совещания по безопасно-

сти и сотрудничеству в Европе. Ее участники декларировали, что при всей важности принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства он не распространяется на права человека.

Одна республика за другой заявили о своей самостоятельности и фактически вышли из СССР, который тем самым прекратил свое существование как единое государство. Псевдосоюзный договор, проект которого был разработан и подписан в Ново-Огарево, ходом событий выброшен в мусорный ящик истории. Осталась невыполненной президентская клятва М. Горбачева о сохранении единства и нерушимости Союза ССР.

Эпицентр политической жизни переместился в республики. Начался процесс дипломатического признания, бывших "советских социалистических" республик. Уже более 70 государств признали Литву, Латвию и Эстонию. Как равноправные члены международного сообщества они единогласно приняты в ООН, стали участниками европейского хельсинкского процесса, членами международных экономических и финансовых организаций. Лучшее позже, чем никогда (в 6-м десятке государств), но Советский Союз тоже признал независимость прибалтийских государств и установил с ними дипломатические отношения, начал переговоры об урегулировании взаимных претензий и других спорных вопросов, об установлении с ними равноправных межгосударственных отношений.

Формально сохраняя мандаты и полномочия, а следовательно, и жалование (чтобы не ерепенались), "народные депутаты СССР" оказались фактически не у дел. Вопреки пока еще не отмененной брежневской союзной конституции (уже отменена — прим. ред.) изменена структура государственных органов в центре и на местах. Высшим государственным органом на практике является Государственный совет, состоящий из глав бывших союзных республик. При "президенте неизвестно чего" Горбачеве действует политический консультативный совет, состоящий из демократических деятелей, ранее подвергшихся остракизму. Сформирован и приступил к исполнению своих обязанностей Межреспубликанский экономический комитет (МЭК) — "общее" правительство на переходный период, — возглавляемый И. Силаевым. Работает 1-я сессия двухпалатного Верховного Совета СССР, сформированного на принципах представительства от депутатского корпуса 7 формально оставшихся в Союзе республик-государств. Продолжительность и качество работы союзного парламента посткоммунистического созыва прямо зависит от отношения к нему республиканских властей. Пока никто не осмелился уверенно сказать, захотят ли республики на деле считаться с его решения-

ми. Дееспособность любого межреспубликанского органа власти и управления сейчас под вопросом.

Что касается самого Горбачева, реальность такова: вернувшись из осады в Форосе к власти как конституционный президент союзного государства, он в настоящее время почти не влияет на происходящие события и, подобно английской королеве, "царствует, но не правит". В случае окончательного распада бывшего Советского Союза Горбачев вообще лишится должности и, следовательно, власти. Такая перспектива его, естественно, не устраивает. Поэтому он изо всех сил стремится избежать такого хода событий. Желая усилить свое влияние, он всячески пытается прибрать к рукам преобразованные какие-никакие союзные органы власти и управления, расширить их полномочия, придать им по возможности надреспубликанский характер. С той же целью он заигрывает с предпринимателями, понимая их все возрастающую роль в зарождающейся рыночной экономике.

После провала путча Горбачев, благодаря судьбе и демократам, остался легитимным президентом, но уже качественно иного государства. Как явствует из первой же его пресс-конференции в новой ситуации (22 августа с. г.), он по-прежнему находится в плену коммунистических догм. Одновременно он, как и прежде, подстраивается под процессы, происходящие в стране. Ему приходится поспевать за ними вдогонку. Выступая в союзном парламенте, Горбачев заявил о своей приверженности самым радикальным реформам. Однако это вовсе не значит, что он стал другим, хотя теперь он избавлен от партаппарата, заложником которого был до августовских событий.

Привыкший к высшей власти, Горбачев — властолюбивый президент уже несуществующего СССР — силою обстоятельств вынужден терпеть Ельцина как равноправного партнера в управлении государством. Но он не из тех, кто мог забыть язвительные уколы его самолюбию со стороны Ельцина в первые дни победы над путчистами и, как опытный политический боец, выжидает удобный момент, чтобы нанести нынешнему "союзннику" ответный удар сокрушительной силы, воспользовавшись малейшей оплошностью последнего.

Уже просматриваются со стороны Горбачева поползновения такого рода. Так, на заседании Государственного совета 5 ноября он упрекнул Ельцина в том, что тот, провозгласив о намерении отпустить цены в России, вызвал ажиотажный спрос населения. Ельцина обвиняют и в том, что своими реформаторскими действиями он приведет, мол, страну к экономическому краху (как будто сейчас

нечто иное).

Если бы Горбачев был честным политиком, то должен был признать, что именно он, Горбачев, вместе со своими друзьями-соратниками из ЦК КПСС и высшего государственного руководства своей приверженностью "социалистическому выбору" и "коммунистической перспективе", нерешительностью и медлительностью (скорее, противодействием) в проведении экономических преобразований за шесть с половиной лет перестройки привели Советский Союз к ускоренному спаду производства всего и вся, всеобъемлющему дефициту, невиданному в мирное время массовым бедствиям своих подданных.

Вместо этого Горбачев на правах формального президента (развалившегося) СССР позволяет себе поучать и обвинять российского лидера, который предпринимает практические шаги по выводу своей и других республик из затянувшегося кризиса.

Горбачев не один год "искал" механизм торможения перестройке. Но он сознательно "искал" его где-то на стороне. А объект поиска был рядом, по сути у него в руках: Шенин и Прокофьев, Крючков и Язов, Пуго и Павлов, Янаев и Лукьянов, Бакланов и Тизиков — люди, которым он лично доверил осуществлять практическое руководство правящей партией, государством, верховодить в военно-промышленном комплексе, командовать армией и силами правопорядка.

Предстоит не только наказать государственных преступников, но и искоренить причины антиконституционного заговора, чтобы никому неповадно было его повторить. Предстоящий суд над руководителями провалившегося переворота, кроме всего прочего, должен вскрыть эти причины и показать, кто же в тогдашнем Советском Союзе держал в руках скрытые пружины государственного управления.

КПСС во главе с Горбачевым в 1985 г. провозгласила перестройку по 3 причинам:

1) перемены в стране были крайне необходимы;

2) играя понятиями "перестройка", "демократизация", "гласность", очередной раз затуманить сознание масс, произвести лишь косметический ремонт системы, а не замену ее новой;

3) сделать все возможное по недопущению к так называемым реформам никакой другой политической силы.

Не удивительно поэтому, что тоталитарная система коммунистической диктатуры оказалась неререформируемой. Как сказал мэтр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, "попытка 6 лет реформировать неререформируемое как раз и есть главная ошибка".

Крушение КПСС в результате августовских событий лишило демократические силы глав-

ной мишени своей борьбы. Победившие и пришедшие к власти демократы, которым досталось от коммунистов тяжелейшее наследство в виде ограбленной, нищей и униженной страны, приняли на себя груз колоссальной ответственности. За словами, сказанными ими в ходе борьбы за власть, должны последовать конкретные дела, чтобы, не утратив демократизма и здравого смысла, вытянуть страну из пропасти.

Ближайшее будущее покажет, посильна ли им эта ноша. Если они не сумеют справиться с возложенной на них историей задачей огромной сложности, то утратят свой былой авторитет, а их согражданам не избежать трагедии, которой человечество еще не знало.

Как бы то ни было, возврата к прежнему, коммунистическому режиму уже быть не может.

Опять есть такая партия?

В драматические и трагические августовские трое суток переворота советские люди усвоили то, что они не усвоили бы, слушая самые пространственные речи. Умудренный опытом народ извлек уроки из страшной науки всех предшествующих десятилетий коммунистической диктатуры. Поэтому он не впал в эйфорию победы.

С первых дней после подавления путча активные сторонники свободы и демократии, реально оценивая ситуацию и перспективу ее развития, осознавали и предупреждали, что коммунисты, насчитывающие 15 млн. человек, недолго будут находиться в состоянии шока, испытывать страх и растерянность. Так и произошло.

Потерпевшие поражение, свергнутые, но не поверженные партийно-номенклатурные плутократы разного уровня, используя свои прежние организационные структуры, агитационно-пропагандистский аппарат и личные связи, теперь, после провала путча, пытаются тайно, в подполье перегруппировать свои силы, чтобы затем снова "выйти из окопов" и взять реванш. Не смирился с поражением и цепной пес КПСС — разветвленная агентура бывшего (реформированного ныне) КГБ. В некоторых республиках лица, развращенные или одурманенные фанатичным коммунистическим фундаментализмом, по-прежнему стоят у руля власти.

Следовательно, большевизм как теория и как практика еще не уничтожен окончательно и бесповоротно. Пока он имеет место, Дамоклов меч, как и раньше, занесен над миллионами людей. Учитывая это, демократам, находящимся ныне у власти, терять бдительность было бы легкомысленно и непозволительно. Тем более, учитывая кор-

поративный, клановый, элитарный характер преступных бывших КПСС и КГБ.

Временщики, захватившие в результате переворота верховную государственную власть 19 августа, не могли принять коренных перемен в обществе. Настоящая демократия, раскованность духа, смена социально-экономической системы были не для них, так как грозили им потерей всего и окончательно. Именно жажда власти и страх ее потерять, будучи для них важнее любой логики и любого здравого смысла, толкнули их на авантюру. Политические слепцы, они шагнули в пропасть государственного переворота. И в результате, сами того не желая, сделали доброе: ускорили освобождение общества от идеологического и политического саботажа, зажгли "зеленый свет" для проведения давно назревших реформ.

Расследование роли КПСС в государственном перевороте 19–21 августа установило, что она никогда не была партией, а была особым механизмом формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением себе.

При этом руководящие структуры КПСС, создавая за государственный счет материальную основу для своей неограниченной власти, осуществляли собственную диктатуру.

Именно на руководящих структурах КПСС, фактически располагавшихся властными органами как собственным инструментом, лежит ответственность за исторический тупик, в котором оказалась страна. С деятельностью этих структур прямо связано разжигание социальной, национальной и религиозной розни, нарушение основополагающих, признанных всем международным сообществом прав и свобод человека.

Антиконституционный переворот 19–21 августа, поддержанный руководством КПСС, явился закономерным финалом ее политической деятельности.

Бывшие функционеры КПСС пытаются свалить всю политическую и юридическую ответственность только на высшее руководство прежде правящей партии. Тем самым они, с одной стороны, прозрачно намекают на причастность президента СССР Горбачева к этому преступлению (поскольку до 23 августа он как генеральный секретарь возглавлял руководство КПСС), а с другой стороны, стремятся тем самым обелить себя.

Подобные объяснения не оригинальны, но всегда звучали и звучат неубедительно. После второй мировой войны кое-кто в Германии точно так же пытался оправдать себя, скрываясь за спинами фюрера и окружавшей его камарильи обанкротившейся партии. Последовательно осуществляя программу уничтожения нацизма, ФРГ выкорчевала национал-

социализм из общества, тем самым освободив членов национал-социалистической партии от чувства вины за принадлежность к ней и за ее преступную деятельность.

В свою очередь коммунистические лидеры (не считая, естественно, членов ГКЧП и проходящих по их делу) предприняли все возможное, чтобы уменьшить свою личную ответственность. Они до недавнего прошлого сохраняли свою организацию с целью держать всех ее членов в состоянии пожизненного долга перед партией, в постоянном ощущении какой-то вины перед ней и ожидании наказания. Само существование коммунистической партии вовлекало всех коммунистов и даже беспартийных в атмосферу страха, неуверенности в завтрашнем дне, в борьбу за самосохранение, противопоставление "наших" и "ваших". В прошлом запятнавшие себя функционеры внушали людям: все виноваты, все мы грешны (а значит, никто персонально), и если переход к демократии не произойдет постепенно и плавно (что на практике означает медленно и болезненно), то обществу грозит катастрофа, военная диктатура, "охота на ведьм" и прочие беды. И теперь они твердят о невозможности перехода к гражданскому обществу и правовому государству без осознания коллективной ответственности всей партией и личной вины каждым коммунистом, каждым участником репрессивной системы.

Действительно, без духовного очищения и покаяния невозможна консолидация общества, торжество демократии и права. Но способны ли на покаяние недавние лидеры КПСС? Можно ли им верить?

Объявляя об отречении от поста генсека, Горбачев сказал: "Глубоко верю, что демократические коммунисты заступятся за создание партии на новой основе, которая вместе с другими прогрессивными силами продолжит осуществление преобразований в стране". Эта ключевая фраза его декларации об отречении показательна в 2 отношениях.

Во-первых, не признавая преступной деятельности своей партии в целом (юрист ведь все-таки!), не признавая поражения ее бесчеловечных идеологических постулатов, осудив лишь своих ближайших соратников по партии, Горбачев в то же время не порвал связи с основной массой бывших коммунистов и даже сделал реверанс в сторону демократической ветви партии. Тем самым он оставил для себя дверь приоткрытой на случай возможных колебаний политического маятника, изменений в соотношении сил. Это в обычном стиле политического лавирования Горбачева: не поступившись партийными принципами, он по-прежнему (якобы) за преобразования в стране и полон желаний их возглавить.

Во-вторых, Горбачев, по сути призвав к

созданию "партии на новой основе", выдвинул очередной вариант ее "обновления". На правах президента (сам при этом оставаясь в стороне) он дал "зеленый свет" воссозданию партии коммунистов, вселил веру в души партийных номенклатурщиков в центре и на местах. Тем самым президент государства указал путь к спасению дискредитировавшей себя партии.

И ценные рекомендации "беспартийного" президента были услышаны. Опыт переименования компартий в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане получил распространение и в других субъектах бывшего Советского Союза. Вскоре появилась инициативная группа: народные депутаты СССР А. Денисов и Р. Медведев, народный депутат РСФСР, космонавт Б. Севастьянов, 1-й секретарь Нижегородского горкома партии, двое рабочих из Санкт-Петербурга и другие. "Инициативные товарищи" призвали как можно быстрее начать работу по созданию партии левых сил (естественно, социалистической ориентации), которая, мол, намерена проводить свою работу в строгих рамках законности и демократии. По их словам, пока это будет оппозиционная партия, создается она "на базе прогрессивных сил КПСС", хотя готова принять в свои ряды и другие "левые силы социалистической ориентации". Расчет делается на "миллионы честных простых коммунистов, ничем себя не запятнавших".

Как видим, они используют опыт политической мимикрии, накопленный "братскими партиями" бывших социалистических стран Восточной Европы.

"Инициативники" провозглашают: "Это будет партия Свободы, Правды, Нравственности, Справедливости". Очень знакомо, весьма наслышаны. Все те же клише. Опять "Ум, Честь и Совесть нашей эпохи". Красивые, ласкающие слух слова. Но что за ними стоит?

Как о попытке совместить несовместимое свидетельствует такая установка "инициативной группы товарищей": "Отстаивая социалистические ценности, проявляя твердость и последовательность, мы обязаны научиться взаимопониманию и взаимодействию со всеми, для кого главная цель — создание демократического государства". Здесь явно кроется стремление навязать свои коммунистические взгляды желающим быть обманутыми.

Другая часть бывшей коммунистической номенклатуры, побросав свои партийные билеты, ищет себе пристанища в стане "Движения демократических реформ", учредительная конференция которой состоялась в Москве. За этим, очевидно, просматривается испытанная партаппаратная тактика, преследующая цель: под любыми знаменами удержаться у власти. Но вряд ли она способна ныне

вести кого-либо в заблуждение: народ уже достаточно искушен в политических премудростях.

Да и сами воссоздатели партии коммунистов не должны самообманываться: прошлое не бесконечно во времени, к нему нет и не может быть возврата. Завершился мучительный виток истории от большевистского узурпаторского переворота октября 17-го до демократической революции августа 91-го.

Люди, которых правители на Старой площади считали безгласными рабами, "винтиками", "серой массой", прошли путь от осознания того, что "так жить нельзя", до непреклонного решения "Будем жить иначе!" Никакие потуги вечно вчерашних правящих коммунистов не позволили им поднять людей на празднование очередной, 74-й годовщины большевистского переворота 1917 г. — так называемой октябрьской социалистической революции, именовавшейся ранее "величайшим событием 20 века".

Вполне логично и в то же время символично, что именно в этот день издан указ российского президента Б. Ельцина о прекращении деятельности КПСС и РКП РСФСР на территории России.

Однако последыши самозванных правителей действуют по сей день.

8—9 членов хунты, привлеченных ныне к юридической ответственности, — лишь видимая, надводная часть айсберга, высветившийся 1-й эшелон заговорщиков. За ним, в глубинных толщах общества скрываются, ждут "часа X" многочисленные и разветвленные консервативные силы, которые противодействовали и противодействуют радикальным переменам в стране. Обезглавлена лишь их верхушка.

Эти силы недолго были скованы страхом. В настоящее время они уже выходят на поверхность общественной жизни, предпринимают попытки реанимировать прежний механизм своей партийной машины, возобновили свою противоправную деятельность, направленную на еще большее обострение кризиса и создание условий для нового антинародного переворота. Не случайно их рупор Лигачев заявил, что путчисты "искали путь облегчить страдания народа".

Угроза нового заговора не снята.

Не обладая уже организационной структурой в виде КПСС, потенциальные заговорщики изменили тактику. Стремясь привлечь массы на свою сторону, они заискивают перед народом, играют на экономических трудностях, которые он вынужден испытывать. Якобы сочувствуя бедствующему населению, они натравливают его против пришедших к власти демократов.

С этой целью они используют такой рычаг, как профсоюзы. Об этом свидетельст-

вуют организованные свергнутыми коммунистами синхронные профсоюзные выступления 23 октября с. г. в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске и других городах. Симптоматично, что выступления профсоюзов сопровождались давлением на парламенты и другие представительные органы, против чего категорически выступали функционеры КПСС, когда сами находились у власти.

Искоренение коммунизма — не единовременный акт, а довольно длительный процесс. Эта проблема не только политическая, но и моральная. Решение ее не может ограничиться наказанием лидеров КПСС, вдохновителей и непосредственных исполнителей ее преступлений.

Миллионы рядовых членов бывшей правящей партии не знали всей правды и потому не осознавали полностью антигуманную сущность коммунистической доктрины и практики, не имели отношения к произволу и насилию, творившимся от их имени. Поэтому новая власть должна способствовать преодолению стереотипа их сознания, тягостного чувства вины, должна предоставить им возможность включиться в новую жизнь — в строительство демократического общества.

Это было бы и проявлением гуманности к миллионам бывших коммунистов-статистов, и предотвратило бы возрождение их мрачной организации, и приостановило бы раскол общества по идеологическим принципам, и, следовательно, создало бы условие для действительной консолидации людей на демократических принципах для возведения здания гражданского общества.

Чем быстрее общество преодолеет раскол на коммунистов и демократов, тем быстрее бывший Советский Союз превратится в страну нормальных, законопослушных и терпимых людей.

Народ только начинает движение по пути, свободному от марксистско-ленинских догм. Путь этот тернист и долог. Но из этого вовсе не следует, что бывшим коммунистам должно быть отказано в человеческих правах. Демократическое общество (если оно действительно демократическое) обязано предоставить шанс каждому.

Должны радикально измениться и сами бывшие члены КПСС: не замалчивать злое, давая уроки демократии своим бывшим жертвам, а осознать свою личную вину и покаяться перед народом. Только в таком случае возникнут их новые, цивилизованные отношения с остальными согражданами.

Другого выхода нет. Все остальное — просто очередное надувательство масс, ибо создавалась бы только видимость перехода к новому качественному состоянию общества: оставалось бы политическое и нравственное

положение, куда можно было бы вставить "обновленную" КПСС или ее правопреемницу. Результаты такого хода событий страшны и не заставят себя долго ждать.

На карту ныне поставлено будущее страны. И во имя этого будущего каждый гражданин должен как можно скорее, переступив через собственное "я", покончить с конфронтацией, перетягиванием каната. Ситуация требует решительных и в то же время совместных действий. Надежда на будущее — это общество в целом, сами люди.

Скажи, кто твои друзья...

Ответственные (вернее, безответственные) руководители КПСС в центре и на местах в судьбоносные для страны и народа дни и ночи 19—21 августа могли, но не оказали противодействия узурпаторам. Одни из них, словно мыши, спрятались в своих норах и в лакейской позе "чего изволите?", готовые прислуживать любому политическому режиму, выжидали, как развернутся события. Иные — дружно "заболели". Третьи, сделав свой выбор, встали на сторону хунты и приняли участие в путче.

До тех пор единомышленники-коммунисты "выходили из окопов" для борьбы с демократами. Для борьбы же с реакционерами, предавшими интересы государства и его граждан, у КПСС и ее лидеров не оказалось ни духа, ни желания. Руководимые коммунистами теле- и радиостанции всячески оправдывали переворот, подводили под него "законную" базу. Ни одна коммунистическая газета в дни путча не высказала ни слова осуждения в адрес заговорщиков, ни слова в защиту конституционного строя в СССР. В лице своего руководства правившая в Советском Союзе партия оказалась закулисным вдохновителем и организатором государственного переворота. Ведь по действиям руководства судят о всей партии. Тень, отброшенная от аббревиатуры "КПСС", превратилась в "ГКЧП".

Таким образом, во время августовского путча КПСС со всей очевидностью проявила себя как преступная организация, еще раз противопоставила себя народу. И народ ответил ей взаимностью: на большей части территории Союза ее деятельность приостановлена, осуществляется департизация предприятий и учреждений, национализируется нагребленное ею у народа имущество, ведется правовое расследование деятельности ее руководящих органов. Наконец-то КПСС — основное препятствие, главный механизм торможения радикальным политическим и экономическим преобразованиям в стране — отстранена от государственного руля.

Даже Горбачев оказался не в состоянии отстоять обанкротившегося и дискредитировавшего себя монстра. В который раз нарушив клятву верности партии и ее "идеалам", он сделал очередной "ход конем": ушел с поста генсека своей партии.

Разумеется, ему нелегко дались столь радикальные шаги. Но пришлось решать вопрос "С кем идти дальше?", а кроме, как с демократами, идти ему уже было больше не с кем. Выбирать не приходилось.

Лишенный в новой ситуации военной поддержки и прежних возможностей маневрировать и упражняться в демагогии, Горбачев вынужден был блокироваться с демократами, выполнить требования революционного народа.

Проводившаяся им до того политика лавирования между консерваторами и демократами, попытка сидеть попеременно на двух стульях привели его к тому, что он чуть было не оказался... между стульев, едва не стоили ему президентского кресла. Не случайно после возвращения в Москву из Фороса он рассыпался в благодарностях Ельцину и всем защитникам свободы и законности, особенно москвичам, за то, что те спасли его, если не от физической расправы, то уж по крайней мере от политического небытия.

Парадокс истории заключается в том, что в защиту правового порядка, существующей конституции и законного президента СССР выступили Б. Ельцин, А. Собчак и другие демократические оппоненты Горбачева, а оборонять его приходилось от камарильи "соратников", клявшихся ему в дружбе и верности, выдававших себя за радетелей народа, защитников государства и его конституционных основ.

Как бы то ни было, Горбачев, "благополучно" доведя свою партию до развала, избавился от консервативного партаппарата. От того, как он теперь, в посткоммунистический период, поведет себя, во многом зависит его политическое выживание.

Политиканствующему Горбачеву доводится-таки присутствовать на похоронах коммунистического режима (советского образца) в качестве последнего его правителя.

Весьма показательно, что ни рядовые коммунисты, ни тем более население страны никоим образом не выразили протест или хотя бы недовольство демонтажом организационных и идеологических структур КПСС. Во всей стране не состоялось ни одного митинга, ни одной демонстрации в защиту партии, управлявшей государством почти 74 года.

Зато ликованию народа в те дни, особенно в столичных и крупных городах, не было предела. Лозунги и заклинания коммунисти-

ческих трубадуров, как то: "Народ и партия едины!", "У партии нет других забот, кроме интересов народа", "КПСС — единственная консолидирующая сила общества" и т. п. — разлетелись вдребезги. Господство ленинско-сталинско-брежневской партии бесславно завершилось откровенной ненавистью и презрением народа, которые она вполне заслужила.

Как свидетель по делу участников антиконституционного заговора Горбачев должен будет публично объяснить, почему он упорно окружал себя людьми, которые страшлись радикальных перемен в стране и всячески противодействовали им, на каком основании он выдавал хвалебные характеристики своим выдвиженцам и поручался за них чество своего имени и положения. Не подрывал ли он тем самым свою президентскую честь и достоинство? Не осознанной ли и расчетливой была линия его поведения в этом плане?

Ведь именно по его настоятельной рекомендации получили свои государственные должности и Крючков (тогда член политбюро ЦК КПСС), и Язов с Лукьяновым (тогда кандидаты в члены политбюро ЦК КПСС), и Пуго с Павловым. Не кто иной, как Горбачев, буквально навязал съезду народных депутатов СССР избрание Г. Янаева — будущего формального лидера путчистов — в качестве вице-президента Союза.

Похоже, он руководствовался тогда не коренными интересами страны и народа, а властными амбициями партаппарата и принципом личной преданности. Какие бы сдвиги ни совершал сам Горбачев впоследствии, он постоянно оставался в окружении реакционно мыслящих и соответственно действующих государственных и партийных деятелей.

Обладая высшей властью в стране, Горбачев мог, обязан был упредить заговорщиков, лишить их власти, предотвратить переворот. Как никто другой, он должен был понять, что готовится переворот.

Поведение Горбачева нельзя оправдать или даже объяснить излишней доверчивостью, неразборчивостью в друзьях.

Вполне логично, закономерно, что, начиная перестройку с одними друзьями — А. Яковлевым, Шеварднадзе, Бакаитиным, Шаталиным, — он завершил ее с "друзьями" противоположного толка: с 1-м осведомителем президента Крючковым, другом с 40-летним стажем Лукьяновым, партийно-гэбистским выдвиженцем Пуго, "преданным до мозга костей" Язовым, которого лично Горбачев незаконно в мирное время возвел в чин маршала.

Всем им было глубоко наплевать на благополучие народа и судьбу страны. Они пеклись лишь о своих корыстных интересах, о сохранении власти.

А Горбачев только после подавления путча "осознал" низкие моральные качества своих

личных друзей и "прозрел". "Да, произошел государственный переворот во главе с горсткой авантюристов. Они заслуживают самой суровой кары", — сказал он И. Силаеву, встретившись с ним в Форосе 21 августа. Запоздалое и вынужденное прозрение! Не искусственное ли оно к тому же?

Весь этот круг друзей — одного поля ягоды. Как тут не вспомнить русскую поговорку: "Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты"!

Если Горбачев не сумел своевременно распознать человеческую природу окружавших его соратников, то как он может разбираться в сути сложных, противоречивых событий и процессов, происходящих внутри и вне огромного государства, которое он официально возглавляет? Как он в таком

случае может претендовать на роль первого лица этого государства? Одно дело проспать кровавые события одного дня в одном городе (Вильнюс, 13 января 1991 г.), другое дело — проспать государственный переворот, готовившийся не один месяц.

Или Горбачев лишь делает вид, что не сразу схватывает суть людей, явлений, процессов, а на самом деле все прекрасно понимает? И, понимая, плетет сложную политическую паутину, в сети которой втягивает и своих приближенных.

Горбачев и подследственные "Матросской тишины", составляя вместе политическое руководство Советского Союза, сообща разрабатывали, определяли и проводили в жизнь государственный курс. Вместе они должны и разделить ответственность за случившееся.

Это письмо было послано в редакцию "Московских новостей" год тому назад. Если последнее время содержание газеты несколько улучшилось, мы все же думаем, что это письмо интересно опубликовать. "Московские новости" его не напечатали.

Редакция

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

главному редактору газеты "Московские новости" Егору Яковлеву

Уважаемый Егор Яковлев, Ваша газета, "Московские новости" снова начинает походить на газеты "застойных времен". Страна дошла до того, что выпрашивает пищу у Запада, а Вам есть время без спеха беседовать о советах и советниках президента, а на остальных страницах, как и все 73 года советской власти, осуждать "отдельные факты" спекуляции, коррупции, разгильдяйства. Судить лодырей и дезорганизаторов "нашего счастливого общества". Тратить место на устрашения читателей мифическими саботажниками, мафиями, заговорами "против народа". В то же время уклоняться от обсуждения и разъяснения главного и принципиального вопроса: почему страна дошла до катастрофы, что и как нужно сделать, чтобы прийти к нормальной человеческой жизни?

Не могу поверить, что Вам, грамотному, образованному человеку не известны причины катастрофы и не известны элементарные законы экономики, которые были нарушены социализмом и требуют срочного восстановления. Причина-то катастрофы предельно прозрачна: социализм лишил 300-миллионное население собственных средств труда, лишил права на самостоятельную творческую деятельность, передав все средства труда и права на творческую деятельность в распоряжение кучки правителей. Что удивляться, что после некоторого периода энтузиазма и веры масс в правителей страна, сначала медленно, а затем все быстрее покатила в пропасть духовно-материальной катастрофы.

САМЫЕ ДОБРЫЕ, САМЫЕ УМНЫЕ И САМЫЕ ДЕЯТЕЛЬНЫЕ ПРАВИТЕЛИ, КОНЕЧНО, НЕ МОГЛИ ЗАМЕНИТЬ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ, ВЫНУЖДЕННОГО ПРЕВРАТИТЬСЯ ИЗ ОГРОМНОЙ МАССЫ ТВОРЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В НАБОР ВИНТИКОВ И БОЛТИКОВ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛИЗМА. А из этой прозрачно ясной причины вытекает и прозрачно ясный рецепт возрождения. НУЖНО СРОЧНО ВЕРНУТЬ 300-МИЛЛИОННОМУ НАСЕЛЕНИЮ В ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ ВСЕ СРЕДСТВА ТРУДА И ВЕРНУТЬ ЕМУ ПРАВО НА ЛЮБУЮ СОБСТВЕННУЮ, СОЗИДАТЕЛЬНУЮ ТВОРЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ в одиночку или во главе коллектива наемных работников. Можно ли сомневаться в том, что способности мозгов и рук огромного населения превосходят способности мозгов и рук кучки правителей в миллионы раз и выведут страну из катастрофы в самое короткое время? Ведь знаете же Вы это. Почему же Вы не бьете в набат, что население оставляется все так же без средств труда, без прав на собственную деятельность? Что происходит борьба за все ту же власть НАД НАСЕЛЕНИЕМ, А НЕ ЗА СВОБОДУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ? Почему Вы занимаетесь тем, как и кому выйти в правители, как им рассесться по креслам и как им продолжать душить любую творческую деятельность населения?

Кого Вы называете спекулянтами и осуждаете? Людей, которые на свой страх и риск (конечно эгоистически, а что же Вы хотите?)

стараясь сделать то, чего не делают правители: снабдить население хоть чем то. Кого Вы называете преступниками и тоже осуждаете? Огромное число людей, отчаявшихся выжить по-социалистически и пытающихся сделать это вопреки социализму. Что Вы называете "темновой", "незаконной" экономикой и тоже осуждаете? Нормальную и законную тысячи лет до социализма экономику, которая вопреки "законам" социализма облегчает участь населения. Вы кричите "ловите вора!", но не тех главных воров, которые и теперь крадут у населения свободу и независимость — правителей, рвущихся К ВЛАСТИ НАД НАСЕЛЕНИЕМ во что бы то ни стало. Уже и новые правители пытаются СНОВА ЗАДУШИТЬ НОВЫМИ ЗАКОНАМИ И НОВЫМИ НАЛОГАМИ ЛЮБУЮ ТВОРЧЕСКУЮ, СОЗИДАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ВОЗНИКАЮЩУЮ НЕ ПО ИХ ДИКТАТУ.

Вы, Егор Яковлев, приветствуете в своей газете КГБ и его вмешательство в удушение неподконтрольной, но творческой, созидательной деятельности населения. Получается, что Вы хотите снова укрепить социалистическую власть КГБ в управлении страной. Вы жалуетесь при этом и на "паралич власти", заключающийся в том, что массы людей хотят жить по своему и творчески и не слушают диктаторов. Рассчитываете, что КГБ этот "паралич" ликвидирует. Вы жалуетесь, что среди новых держателей власти нет достаточного согласия в лишении населения свободы. Вы жалуетесь, что и в народе нет единства в поддержке "перестройки", т. е. в поддержке новых диктатур. Опомнитесь, Егор! Какой "паралич власти", когда ее осталось, пусть в трещинах и обломках, все еще слишком много, А СВОБОДЫ У НАСЕЛЕНИЯ ВСЕ НЕТ, КАК И РАНЬШЕ. Дайте спекулянтам свободно расплодиться до миллионов и все: кончилась спекуляция, а началась нормальная торговля и конкуренция. Узаконьте "незаконную" экономику, дайте ей возможность вырасти, скажем раз в десять, НЕ УДУШАЯ ЕЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМИ ЗАКОНАМИ И НАЛОГАМИ, и все: кончились и дефициты, и очереди, и спекуляция, и коррупция, и расхищения, и бюрократия и т. д. А преступность сократится

автоматически во много раз. Ведь пока существует НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ источник коррупции, расхищения, блата, спихотехники, кумовства, бюрократии — ГОСУДАРСТВЕННАЯ (общественная, коллективная, общенародная) СОБСТВЕННОСТЬ и возможность людям с властью распоряжаться ЧУЖИМИ имуществом и деньгами, бороться с этими бедствиями бесполезно. Они останутся неисчерпаемыми.

Не душить нужно самостоятельную деятельность населения, а всемерно развивать и поощрять ее, несмотря на вопли правителей о недостатке власти. Только само население, работая на собственных средствах труда во всех областях человеческой деятельности СВОБОДНО И В СВОЮ, А НЕ "ДЯДИ", ПОЛЬЗУ, может решить задачу, которая не по зубам ЛЮБЫМ правителям. Поддержку-то власти тоже можно получить только от благодарного СВОБОДНОГО населения, а не от массы винтиков и болтиков, требующихся для диктаторов и для социализма. Согласие и единство сил в деле возрождения страны тоже могут возникнуть вместо нынешнего хаоса, только когда миллионы людей получат право и возможности самостоятельной творческой деятельности в свою пользу, создавая тем общее благополучие. Люди в своем подавляющем большинстве не дураки и не лентяи. Дайте им свободу жить и трудиться по своему и незачем будет им сражаться друг с другом, убивать и мучить друг друга. Все займутся вместе и сообща полезным ДЛЯ КАЖДОГО трудом, восстанавливая страну из социалистических руин. И не забудьте, что главная твердыня социализма, задушившего страну, есть государственная собственность на ТЯЖЕЛУЮ промышленность. Без ликвидации ИМЕННО ЭТОЙ государственной собственности социалистические бесправие и цепи на руках и мозгах населения останутся в силе и страна погибнет, а само население физически и интеллектуально выродится.

А. Федосеев

Едва ли Вы соблаговолите ответить на мое письмо. Однако адрес свой сообщаю: Dr. A. Fedoseyev. Box 373 GPO, London EC1 PJ, England.

С. ТИКТИН

ЗВЕЗДЫ "ПОЛЫНЬ"

Газета "Русская мысль" от 13 сентября 1991 г. поместила следующее сообщение:

**Реакторы
"чернобыльского типа" —
угроза для Германии**

БЕРЛИН, 15 сент. (АП) — Хотя после катастрофы в Чернобыле власти Восточной Германии предприняли усовершенствование конструкции ядерных реакторов советского производства, размещенных на территории тогдашней ГДР, эти реакторы по-прежнему представляют угрозу

для окружающей среды и местного населения. К этому выводу пришли германские правительственные эксперты, обнаружившие в минувший вторник отчет о состоянии дел на атомных станциях страны.

Министр по охране окружающей среды Клаус Тёпфер сообщил, что реактор "чернобыльского типа", расположенный в Грайфсвальде, на побережье Балтийского моря, в 300 километрах к северу от Берлина, несмотря на произведенную после 1986 года модернизацию, не будет эксплуатироваться. Он был закрыт через два месяца после воссоединения Германии. Около пяти тысяч работников атомной станции были уволены. Произведенные усовершенствования, заключает комиссия, не привели к существенному повышению уровня безопасности этого реактора. Он по-прежнему не имеет систем защиты на случай возникновения пожара на блоке или авиационной катастрофы над территорией станции.

Отчет, который означает для этого реактора смертный приговор, пишет корреспондент АП Марк Фриц, будет направлен для сведения во все страны Восточной Европы, где продолжают действовать атомные станции с реакторами "чернобыльского типа".

О путях модернизации атомных электростанций (в дальнейшем — АЭС) с реакторами серии РБМК (кипящими реакторами канального типа с графитовым замедлителем нейтронов) писал в предсмертном письме "Мой долг рассказать об этом" академик В. А. Легасов, покончивший с собой накануне второй годовщины Чернобыльской катастрофы. Речь шла об автоматических системах, поддерживающих стабильный режим работы ядерного реактора независимо от оператора. Такая система, по сегодняшним меркам, — примитивная, но тем не менее достаточно эффективная, имела еще тридцать пять лет назад на первой советской ("первой в мире"?), опытно-промышленной АЭС в Обнинске. Еще раз напомним о демонстрационном опыте, показанном в 1955 году корреспонденту одной из советских газет: из реактора был мгновенно удален один из управляющих стержней, поглощающих нейтроны. На всех приборах пульты управления дернулись стрелки, за исключением стрелки индикатора мощности. Автоматическое устройство за десятки доли секунды (вполне допустимая в этом случае инерционность) перемещением других управляющих стержней удержало мощность цепной реакции на прежнем уровне. Другое дело, что "конструкторы не спешили" (В. А. Легасов) и способные в принципе к саморазгону мощные реакторы Чернобыль-

ской и других АЭС (о чем даже их руководящий персонал не ставился в известность) в СССР и странах Восточной Европы вводились в эксплуатацию без подобного рода стабилизирующих защитных устройств. Что касается саморазгона, то он тоже может быть почти мгновенно остановлен еще до начала разрушения реактора — например, впрыском в его циркуляционный контур концентрированного раствора борной кислоты. Это известно было, по крайней мере, с 1966 года, но таких предохранительных приспособлений, срабатывающих автоматически и/или по команде оператора, на этих АЭС тоже не имелось. И графитовые наконечники управляющих стержней, способствующие при введении последних в активную зону разгону цепной реакции вместо ее торможения, тоже должны быть заменены на более "нейтральные" и т. д., и т. п.

Тем не менее, подобного рода усовершенствования не снимают основных пороков АЭС с реакторами серии РБМК. Мы имеем в виду способность реакторов данного типа к саморазгону, их повышенную пожароопасность (при том, что погасить горящую активную зону почти невозможно), не говоря уже об отсутствии защитных колпаков над реакторами и о практической невозможности установить их, по крайней мере, на действующих АЭС.

Мощная энергетическая база западной части Германии (бывшей ФРГ) позволила безболезненно закрыть АЭС в восточной ее части (бывшей ГДР), которые были оснащены реакторами советского производства. Другие страны Восточной Европы позволить себе такую роскошь пока не могут, при том, что недостатки поставленного Советским Союзом оборудования АЭС были достаточно хорошо известны восточноевропейским специалистам задолго до публикации отчета германских экспертов. Только после ряда неудачных попыток наскоро устранить большие утечки радиоактивных веществ пришлось в конце концов выключить два энергоблока на болгарской АЭС в г. Козлодуде.

Еще хуже положение в Советском Союзе (как ни назовешь сегодня этот гигантский регион). В течение нескольких лет население Армении добивалось закрытия Мацаморской АЭС, систематически отравлявшей территорию республики радиоактивными выбросами и вдобавок построенной в сейсмически опасной зоне. (Если бы эта станция оказалась в эпицентре землетрясения, разрушившего гг. Спитак и Ленинакан, то она так же рассыпалась бы, как и "антисейсмические" железобетонные громады в этих городах (о качестве строительства АЭС в СССР уже написано много, незачем повторять). Наконец, станцию закрыли. Но сегодня независимая

Армения, зажата между также объявившими о своей независимости крайне враждебным Азербайджаном и раздираемой гражданской войной (и далеко не дружественной) Грузией, не имеет ни своей нефти, ни своего угля. Гидроресурсы Армении невелики, и их форсированное использование не решит энергетических проблем республики, зато быстро превратит ее жемчужину, озеро Севан, в некое подобие Арала. С приближением зимы все острее встает вопрос о пуске этой вредоносной, но необходимой АЭС.

Продолжает работать в зоне повышенной радиации Чернобыльская АЭС. Несмотря на все модернизации, на ней одна за другой происходят аварии. В сентябре этого года на втором ее энергоблоке во время ремонтных работ произошла из-за поломки заглушки утечка воды, содержащей радиоактивные вещества. А в октябре возник сильнейший пожар в генераторном зале. К счастью, пожарным удалось не допустить огонь до реактора (кстати, они по-прежнему не имели никакой противорадиационной защиты). Снова усилились требования экологов — закрыть эту злополучную станцию. Давно пора, но как без ее энергии обойдется независимая Украина, даже и сохраняющая за собой свою часть почти уже выработанного Донбасса?

И обретшая свободу Литва, почти не имеющая других собственных энергоресурсов, не собирается закрывать теперь уже свою, неоднократно горевшую в прошлом, Игналинскую АЭС с реакторами РБМК того же "чернобыльского" типа, только в полтора раза форсированными по мощности.

Плохой механизм общесоюзной плановой

централизованной экономики, в рамках которого создавалась, работала и обслуживалась ядерная энергетика огромной единой страны, сломался. Нового, рыночного, еще, по существу, нет. Судорожные попытки правительства отдельных, объявивших о своей независимости республик спасти свою экономику путем таможенных запретов и стеснений вызывают ответные меры. Все это только содействует общему хозяйственному распаду. Добыча угля и нефти повсеместно снижается с каждым месяцем. В этой ситуации выключение АЭС без самой крайней необходимости оказывается все более катастрофическим для экономики. Тем временем их оборудование постепенно изнашивается...

Но самая большая опасность кроется в том, что в ходе развала Советского Союза находящиеся на его территории "взрывоспособные" АЭС становятся объектами безумного шантажа со стороны различных экстремистских сил. Еще до "путча", в мае 1991 года, тогдашний командующий внутренними войсками МВД СССР генерал Шаталин угрожал руководству Армении (в то время еще — союзной республике) взорвать упомянутую выше Мацаморскую АЭС. Он недвусмысленно заявил тогда, что его "взявшие под контроль" станцию парни "держат руку на кнопке". А в ноябре лидер чеченских экстремистов генерал Дудаев в переданном западным телевидением интервью грозился не более и не менее как устроить новый Чернобыль.

Как развернутся события дальше?!

Не дай Бог, чтобы на многострадальные народы бывшего Союза ССР и Восточной Европы обрушилась вторая звезда "Полынь"!

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Университет. 2 курс

(Продолжение, см. №№ 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 61)

Лето 1939 г. мы проводили в той старовойской деревне, о которой я уже писала. В конце августа вернулись в Псков, и я начала собираться, чтобы за несколько дней до начала нового университетского года быть в Ленинграде.

Первый мой университетский год и жизнь в Ленинграде меня полностью захватили. Было так много новых впечатлений, так много работы по освоению основ высшей математики — а тут еще длительная болезнь во втором полугодии, — что я мало интересовалась политическими событиями. Мельком я отметила Мюнхенское соглашение с Гитлером, даже захват им Австрии и Чехословакии прошел почти мимо меня. Я заметила, что советская пресса все меньше бранит "фашизм"

Гитлера, как она называла национал-социализм, но я не сделала из этого никаких выводов. Также мало я обратила внимания на отставку Литвинова с поста наркома иностранных дел и замену его Молотовым. Тем неожиданнее оказался для меня приезд Рибентроппа в Москву и договор сначала о ненападении, а потом и о дружбе.

Не успели мы опомниться от этой сенсации, как нас грохнули известием, что германские войска перешли польскую границу, а Франция и Англия объявили войну Германии. Мой дремавший весь прошлый год политический инстинкт пробудился с бурной силой. Я вся ушла в политику, не приносящую, однако, никакой радости. Хотя у нас в семье не возлагались надежды на Запад в смысле

освобождения от коммунистической диктатуры — мои родители часто говорили о позорной роли западных союзников во время гражданской войны, — все же тяжелым гнетом легло как бы исполнение коммунистических предсказаний, что “капиталистические” страны будут воевать между собой, а собирателем посеянной кровавой жатвы будет все тот же коммунизм. Тогда я начала усиленно следить за событиями и быстро научилась вычитывать из советских газет то, что стояло за их текстом.

Каждый день я покупала “Правду” и читала только ее четвертую страницу: международные известия. Даже свою собственную занудную пропаганду коммунисты не умели напечатать в достаточном количестве экземпляров. “Правду” привозили из Москвы в Ленинград после обеда, часам к четырем-пяти. Хватало ее ненадолго, газета раскупалась через час-два, и потом ее уже нельзя было достать. Так что приблизительно в это послеобеденное время я выходила из дома и осматривалась: с какой стороны шли люди с газетой в руках. Ларьки снабжались тоже неравномерно, в один или другой могли и не доставить или доставить недостаточно. По следу людей с газетой я направлялась к соответствующему ларьку. И там, как везде в СССР, была очередь. Она не стояла, а медленно шла. У каждого был приготовлен гривенник, его клали на стойку, брали газету и отходили. Все делалось молча. Лица были сумрачны. Только если у кого-либо не было гривенника, и он хотел разменять деньги, в застопорившейся на момент очереди раздавался недовольный шум.

В то время я жила одна в небольшой комнате прежде большой квартиры, где жили еще 15 семей с общей кухней. В этой комнатке жила перед тем семья из трех человек. Как же я в нее попала? Дворянская семья, из которой вышел Леночкин муж Поня, была большая, 5 детей, два сына и три дочери. Революция всех их разметала. Старшая из дочерей, Вера Николаевна, вышла замуж за простого рабочего и постоянно корила его своим дворянским происхождением, а он, мягкий человек с большим прирожденным тактом, молчал. Их семья жила в том же доме и том же коридоре, что и семья Леночки. Она, конечно, часто заходила к своему брату и Леночке, и я ее хорошо знала.

Вторая сестра, Надежда Николаевна, вышла замуж за русского еврея, мечтавшего об израильском государстве. Им удалось в 20-х гг. выехать легально за границу, и о них в семье только говорилось иногда. Она не прекращала переписку со своей старшей сестрой и даже посылала посылки. Я лично познакомилась с Надеждой Николаевной мно-

го позже, уже когда я была в эмиграции. Младшей же сестре, Ире (Ироиде Николаевне), было 14 лет, когда произошла революция. Она была совсем сбита с толку и даже пыталась поступать в комсомол, но ее с насмешками отвергли. Позже она вышла замуж за своего рода выдвигенца, человека из совсем простой семьи, но имевшего действительно большие способности к технике, ставшего инженером, и очень хорошим. Однако ему разительно не доставало общего образования и той внутренней культуры, в которой нельзя было отказать мужу Веры Николаевны. Ира с мужем и ребенком жила в этой комнатке на десятой Советской (быв. Рождественской) ул. Но ее мужа перевели по службе в Москву. Кто из петербуржцев хотел покидать Петербург и менять его на Москву? Ира надеялась, что ее мужу удастся перевестись обратно в Ленинград. Они имели право полгода хранить за собой жилплощадь в Ленинграде, им удалось потом продлить это право еще на полгода. Эту комнату они предоставили мне.

Комната была даже для одного человека мала, узкая, выходявшая окном во двор и на другие здания, она была темноватой и немного смахивала на “гроб” Раскольникова.

В тот период я замкнулась в себе. Конечно, у меня были университетские контакты, но там, где я жила, я была одна. На кухню, где шумели 15 примусов, я не ходила, чай я варила на электрической плитке в комнате, а обедала в студенческой столовой или в так называемой “академичке”, тоже студенческой столовой в здании бывшей академии наук, но рангом выше и немного дороже. Я могла себе это позволить, т. к. мой отец давал мне дополнительные деньги. Но жить лишь на стипендию, особенно на первом и втором курсах, было очень тяжело, скорее, невозможно. Стипендия была 120 руб. в месяц. Она не освобождалась от государственных займов, на которые каждый месяц отсчитывали 12 руб., 10%. За койку в общежитии надо было заплатить 18 руб. в месяц. Оставалось 90 руб. Самый дешевый обед в студенческой столовой, для здорового мужчины совсем не сытный, стоил 3 рубля. На этот один обед уходила вся стипендия. А завтрак, ужин, стирка белья и вообще все, что еще нужно дополнительно?

Студенты работали иногда в гавани, но тяжелый физический труд вызывал такой аппетит, что заработанные деньги скоро проедались. Девушки пытались вставать очень рано и работать почтальонами. Мне надо было бы подумать о них и о том, насколько благополучно в сравнении с ними было мое материальное положение, у меня не было этих тяжелых насущных забот. Я могла спокойно учиться. Но мной тогда владели

совсем другие настроения. Общие вопросы полностью заволокли повседневную жизнь. 17 сентября 1939 года металлический с каким-то скрипом ржавчины, но без всяких эмоций, даже без модуляции, голос Молотова объявил "гражданам и гражданкам Советского Союза", что советские войска перешли польскую границу, чтобы "освободить" Западную Украину и Западную Белоруссию. Несчастную Польшу разодрали на куски. Некоторые опасались, что между новоявленными "друзьями" произойдет столкновение на демаркационной линии, что они не сумеют мирно поделить добычу.

Меня эти проблемы не заботили. Не потому, что я верила в дружбу двух разбойников, а потому, что мне тогда было не до внешних опасностей: вопросы о смысле жизни меня снова полностью поглотили. Как можно было вообще жить в таком мире? Чем жить? Иногда я часами ходила взад и вперед по сумрачной продолговатой комнате, не замечая, где я, не будучи в силах найти выход из внутреннего тупика.

Я даже не знала, кто еще обитает в этой квартире. Но один контакт у меня все же возник. Однажды я услышала тихое царапанье за дверью. Открыв дверь, я увидела на пороге молодого человека 7 вершков от пола. Он вежливо представился: "Здрасте, меня зовут Миша." "Ну, что ж, Миша, заходи". Он вошел, степенно осмотрелся, увидел стоявший в углу чемодан и, решив, что это мебель по его росту, уселся на чемодан и начал беседовать. Через какое-то время раздался стук в дверь, и в комнату влетела слегка встрепанная и точно испуганная миловидная женщина: "А Миша у вас? Вы его гоните, если он вам мешает!"

Я заверила ее, что Миша мне не мешает. Мише было 4 года. Его родители, молодая еврейская пара, жили в соседней комнате. У отца, как я потом слышала, делавшего партийную карьеру, было надменное лицо, и, хотя он при встрече вежливо здоровался, он ясно показывал, что ни с кем здесь не хочет быть знакомым. Его жена производила симпатичное впечатление, но имела всегда странный встрепанно-испуганный вид. Может быть, ей самой было не так легко с ее мужем. Миша же был странным ребенком. Он никогда не бегал, не шумел, не играл. Он регулярно время от времени царапался в дверь, степенно заходил, садился на свой излюбленный чемодан и начинал беседовать. Иначе его разговора назвать нельзя. Не помню тем наших бесед, но однажды он даже ударился в политику. Это было во время финской войны. Подперев голову ручонкой, Миша меланхолично заявил: "Наши бьют немножко белофиннов, и белофинны бьют немножко наших". Слово "белофинны"

выдавало лексику его семьи. Мы этого выражения не употребляли.

Иногда приезжала Ира с 5-летней дочерью Надей, живчиком, полной противоположностью Мише, которого ей даже удавалось растормошить. Моей специальностью было подкидывать детей в воздух. Надя визжала от восторга, когда я ее подкидывала, но Миша со скептическим видом отверг мое предложение произвести и с ним такую же операцию. Только уже после отъезда Иры и Нади он раз подошел ко мне и сказал: "И меня так, как Надю", затем закрыл глаза и отдался на волю судьбы. Я его подбросила несколько раз, но он не выказал ни страха, ни удовольствия. Так что мы этого эксперимента больше не повторяли и вернулись к нашим беседам.

Ира ненавидела коммунизм и советскую власть. Она просто тряслась, когда о них говорила. Ее муж, напротив, был полностью предан коммунистическим идеям. Он раз тоже приезжал, останавливался у друзей, но приходил на свою квартиру и пытался даже весьма топорно за мной ухаживать. Он мне говорил совершенно серьезно: "Знаете, почему у нас теперь нет великих поэтов? — Потому что стране нужны инженеры и техники, вот мы и делаем инженеров и техников. А когда страна ими насытится, мы будем делать поэтов". Как умная Ира могла жить с этим примитивным человеком?

В это мрачное для моего психического состояния время у меня была одна отдушина — опера. Оперой я начала увлекаться сразу же по приезду в Ленинград. Ходили мы в оперу так часто, как только могли, конечно, по-студенчески, на галерку. Ходили группами студентов и студенток с моего курса, ходили иногда старым школьным триумvirатом, Валя, Катя К. и я, но иногда я ходила даже совсем одна. Если меня тянуло в оперу, то меня не могло остановить то, что не нашлось никого, кто имел бы время и деньги пойти в этот вечер в театр. Я ухитрялась доставать билеты — для себя одной или для группы — на самые лучшие голоса, также и на гастроли приезжавших из Большого театра Москвы певцов и певиц. Незабвенным был мощный бас Пирогова, поразивший меня сначала в "Русалке", в роли старого мельника, а затем в роли Ивана Сусанина, в разрешенной как раз тогда опере "Жизнь за царя", шедшей под названием "Иван Сусанин". Потрясающей была Преображенская, особенно в роли старой цыганки в "Трубадуре". Напротив, столь воспевавшийся тогда Печковский не произвел на меня особого впечатления. Слышала я его и в его коронной роли Германа в "Пиковой даме", о которой так много говорили в Ленинграде, но меня он не поразил. Не поразил и в своей второй

большой роли — “Отелло”. Печковский был драматическим тенором, для Ленского он не подходил. Но во всех отношениях ни с кем не сравним был баритональный бас Андреев. Этот уже немолодой человек, тогда ему было уже лет 60, имел еще старую музыкальную и артистическую школу, что ясно чувствовалось. Голос у него был изумительный и совсем еще молодой, но у Печковского его сильный голос не мог полностью перекрыть недостаток школы, а у Андреева была еще дореволюционная прекрасная школа. Каким изумительным князем Игорем он был в опере Бородин! В каждой своей роли он был прекрасен, но, как это ни покажется странным, я особенно любила его в маленькой роли Шакловитого в “Хованщине”. На это были особые причины. “Была власть татарская, стала власть боярская, а ты все терпишь, страдальца Русь”, — пел Шакловитый-Андреев, и Мариинский (иначе мы его не называли) театр взрывался от восторга. Мы на нашей галерке так далеко перегибались, аплодируя, навстречу певцу, что чуть не падали через барьер. Кто из нас не добавлял в уме: “Стала власть советская, а ты все терпишь, страдальца Русь”. Андреев сам совершенно очевидно добавлял эти слова в душе, и они каким-то таинственным телепатическим образом передавались слушателям. То, что Андреев был “несозвучен эпохе”, все знали. Несмотря на нажим на него, он настойчиво пел в хоре Никольского собора, единственного собора, “работавшего” в Ленинграде все предвоенные годы. Об Андрееве рассказывали, что это его участие в церковном хоре продернула какая-то театральная газетка, но когда ему подсунили эту газетку со статьей, он смел ее со стола со словами: “Я подзаборной литературы не читаю”. Не знаю, было это истинным происшествием или легендой. Несмотря на это, Андреева не трогали. Он был очень популярен, хотя его популярность тщательно замалчивалась, тогда как популярность Печковского сознательно раздувалась.

“Хованщину” я слушала не раз. К этой опере влекло меня не только участие в ней Андреева, на меня огромное впечатление производили сильные личности раскольников, шедших за свою веру в огонь, Досифей, Марфа. Не вдаваясь в вопрос, были ли правы раскольники в этой своей вере, я завидовала людям, которые имели такую сильную веру. В одном мне не везло: мне очень хотелось услышать в роли Марфы Преображенскую, но каждый раз, когда я доставала билет на “Хованщину”, Преображенская неожиданно заболела, и роль Марфы исполняла ее дубль Мшанская, довольно средняя по уровню певица и артистка.

Реже мы ходили в филармонию на симфо-

нические концерты и иногда на концерты отдельных певцов и певиц. Помню гастроль приехавшей из провинции певицы, колоратурного сопрано, со странной фамилией Пантофель-Нечецкая. Я была от нее в восторге и предсказывала ей блестящую карьеру. Не знаю, исполнилось ли мое предсказание, это было незадолго до войны, которая потом все перемешала. Пытаясь объяснить моему отцу, увлекавшемуся пением Барсовой (тоже колоратурное сопрано), я говорила, что Барсова поет прекрасно, но тембр голоса Пантофель-Нечецкой мне нравится больше: у Барсовой холодный, бело-голубой голос, а у Пантофель-Нечецкой теплый, желто-розовый голос. Мои родители считали, что я говорю ерунду. Но для меня звуки были связаны с цветами, и я жалела, что Короленко в “Слепом музыканте” так быстро бросил эту тему.

На тот период пало мое увлечение Вагнером. Вагнер был в СССР долгое время запрещен, на него возлагалась ответственность за Гитлера. Запрещенные плоды всегда сладки или, во всяком случае, интересны. На первые же симфонические концерты Вагнера я сразу помчалась. Он мне понравился. Правда, я всегда любила Скрябина, на котором отчасти сказывалось влияние Вагнера. В ходе советско-германской дружбы, “скрепленной кровью”, как тогда писали (подразумевался раздел Польши), были устроены радиопередачи: советское радио транслировало в Германию инсценированную в СССР оперу Вагнера “Лоэнгрин”, а немецкое радио транслировало в СССР инсценированную в Берлине оперу Бородин “Князь Игорь”. Немецкая постановка “Князя Игоря” меня не интересовала, но “Лоэнгрин”, который могли слушать и советские радиослушатели, меня очаровал. Я и теперь еще люблю эту самую лирическую оперу Вагнера, но вообще мое увлечение Вагнером было весьма кратковременным.

В то время как Валя постепенно отходила от нашего школьного триумвиата (в Ленинграде остался лишь триумвират), моя дружба с Катей К., моей школьной подругой, как я уже упоминала, все больше крепла. Мы разговаривали часто, несмотря на то, что учились на разных факультетах и не имели возможности встречаться на лекциях. Катя очень страдала от своей принадлежности к комсомолу. “Как бы я хотела уйти из комсомола, — говорила она мне, — но у меня не хватает мужества прийти к ним и положить им на стол свой комсомольский билет”. Я тоже старалась удержать ее от этого шага, боясь за нее. “Может быть, перестать платить членские взносы?” — обдумывала Катя возможности ухода из комсомола. Она рассказывала, что на одном комсомольском собрании был поставлен вопрос

об исключении из комсомола студенческой супружеской пары, не платившей больше года членские взносы. Комсорг, однако, призвал комсомольское собрание быть снисходительным, не принимать решения об исключении и дать этой паре время заплатить взносы. Но по собранию прошел словно неувимый вздох без произнесенных слов: освободим! Большинство проголосовало за исключение!

Как я уже упоминала, мы вместе писали письма Зине, находившейся с матерью, невесткой и ее двумя маленькими детьми в Горьком. В первый год после окончания школы Зине не удалось поступить в университет, т. к. ей пришлось работать, чтобы поддерживать семью. Во второй год она поступила в Горьковский университет на математический факультет и была хоть этим довольна. Но ей не пришлось долго проучиться: старая мать и невестка с малыми детьми не справлялись с жизнью без ее заработка. Она бросила университет и снова пошла работать.

Катя рассказала как-то раз, что на географическом факультете были профессор и доцент, которых несколько лет тому назад арестовали. Сначала был арестован доцент, потом по его доносу арестован профессор. Тем не менее, как ни странно, но профессора не осудили, отпустили. Возможно, в тот момент он был им нужен как специалист. Доцента же присудили к нескольким-то годам лагеря. И вот теперь, отсидев, он возвращался. Оклеветанный им в свое время профессор разговаривал с группой студентов и вдруг, посмотрев на часы, сказал, что он должен торопиться, т. к. едет на вокзал встречать этого доцента. Эти несколько студентов знали всю историю и спросили профессора, как же он едет встречать человека, наговорившего на него. "Ах, — махнул рукой профессор, — там такое делают, что родного отца оговоришь. Я его ни в чем не обвиняю".

Теперь часто можно слышать, что, мол, в сталинское время не знали ни о чем. Мне трудно этому верить. Слишком много лет шли на глазах аресты, слишком много, несмотря на страх, говорилось о тюрьмах, концлагерях и пытках. Конечно, не знали подробностей, не знали, какие именно применялись пытки, но что пытки были, об этом знали. И, конечно, боялись. У меня лично с детства почти отсутствовало чувство страха. Говорят, это бывает у людей без воображения, но у меня было достаточно силы воображения. Тем не менее, я не имела в себе чувства страха. Но пыток боялась и я. При этом я ясно отдавала себе отчет в том, что для меня непреложно наступит момент ареста, что тюрьма и лагерь — мое будущее. Я могла оттянуть этот

момент известной осторожностью, но избежать этой судьбы мне не представлялось возможным. Я не могу утверждать, что меня это угнетало. Для меня это сознание было скорее выводом ума, чем предчувствием, давящим душу. Со дня на день я ареста не ждала, хотя и знала, что он может произойти, но я думала, что это будет скорее тогда, когда я начну работать, а не в университете. Не это угнетало меня, не давало дышать. Активная по натуре, я задыхалась от необходимости загонять эту активность внутрь, молчать, разрешая себе свободное слово только с самыми близкими людьми. Неистраченные силы гнивали внутри и отравляли психику.

Катя как-то рассказала мне, что она видела во сне, как по городу шла демонстрация и несла лозунги: "Долой Сталина!", "Долой Молотова". Перед демонстрацией выстроились войска и взяли винтовки наперевес, но демонстрация шла прямо на войска. "В первых рядах шла ты, — сказала мне Катя, — и у тебя было такое счастливое лицо!" Катя или ее подсознание, давшее ей этот сон, правильно отгадали меня. Мне надо было действовать, нужна была борьба, активная, горячая, полная опасностей, но борьба, действие. Вероятно, если б тогда действительно возникла демонстрация, я присоединилась бы к ней сломя голову. Но совершенно запуганные люди и не думали о демонстрациях, а на безвестное одинокое мученичество я не могла тогда пойти, я не была к нему готова. Так я молчала дальше, шла по той колее, на которую стала, но идти было все труднее.

Другой человек, с которым мне приходилось вести довольно откровенные разговоры, была вторая Катя, моя студентка, выбравшая меня своей подругой. Катя Т. первая начала вести со мной откровенные разговоры. И она была комсомолкой, многие считали ее даже убежденной и активной. Но в душе она была ярой противницей советской власти, хотя у нее были тенденции считать себя марксисткой. По-настоящему мы все тогда марксизма совсем не знали. Катя Т. была единственным человеком в моем окружении с налетом антисемитизма. Это, вероятно, шло от ее отца, караима. Как известно, исповедующие разные вероисповедания той же самой религии, иудеи и караимы, активно не любят друг друга. Катя Т. была крещена, но я не замечала в ней никакой сознательной веры. Ее антисемитизм носил несколько примитивный политический характер, но корни его уходили в ее караимское происхождение. Она нередко указывала на какого-нибудь партийца или начальника и говорила: "Видишь, опять еврей". Дальше этого ее антисемитизм не шел, я же пропускала эти замечания

мимо ушей. Но советскую власть она ненавидела яро, с присущей ей южной страстью. Помню, как удивилась одна наша учительница, узнав, что Катя Т. родилась в Петрограде, она была уверена, что Катя приехала с Кавказа. Но ее родители, действительно, оттуда приехали. Однажды Катя Т. рассказала мне такую историю: жила-была некая женщина, бывшая во время гражданской войны возлюбленной офицера Белой армии. С ним она прошла фронт. Но под конец войны он был убит. Ей же удалось скрыть свое участие в гражданской войне. 20 лет она спокойно жила и работала. Затем она как-то в припадке откровенности рассказала о своем прошлом лучшей подруге. Ее арестовали и расстреляли. Я не спросила Катю, откуда она знает эту историю, если та женщина поделилась лишь со своей подругой. Я спросила ее, хотя и сама знала вперед ответ:

“Зачем ты мне это рассказываешь?” Она ответила так, как я предполагала: “Ты — единственный человек, с которым я говорю так откровенно, если меня арестуют, то...” Я пожала плечами. Если быть откровенной, и мне иногда приходила в голову мысль, не провокаторша ли она? Уж очень быстро она стала мне высказывать антисоветские взгляды. Я решила, что это мой риск, если я иду на откровенные разговоры с Катей Т. А ее риском было заводить со мной эти разговоры. Я не стала ее убеждать, что я не донесу на нее, она сама должна была решить, доверяет она мне или нет.

Но в какой другой стране были бы возможны такие разговоры между 18-летними девушками, не принадлежавшими ни к какой подпольной группе, обыкновенными студентами университета?

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

(Из истории российской политической эмиграции)

Статистические споры вокруг Церкви в Советском Союзе не смолкали все последние десятилетия. Особенно остры они стали в семидесятых и восьмидесятых годах. Основной причиной этих споров была засекреченность некоторых совершенно несекретных в нормальном обществе данных (вроде количества приходов РПЦ), а также прожженная лживость советской статистики. Исследователи этих вопросов разделились на две группы: одна из них (к которой принадлежит и автор этих строк) отвергает подлинность советской церковной статистики, считая ее статистикой “директивной”, в которой те или иные цифры подгонялись под “указания”, данные директивными органами, вроде Совета по делам религий; вторая группа исходила из абсолютной правильности и незыблемости данных, даваемых, в частности, Московской патриархией, и считала противоположную точку зрения “эмигрантскими выдумками”, на которые “серьезные люди” не должны обращать внимания. Присланные мне на просмотр две работы американских исследователей, занявшихся вопросом о количестве открытых православных церквей в СССР, выявили следующее. Авторы их знали всю основную литературу на английском языке, посвященную этой теме, но полностью или почти полностью игнорировали труды эмигрантских авторов, считая их очевидно несерьезными, и сознательно доверились статистике советской, положив в основу своих выводов официальные цифры Московской патриархии, сводившиеся в то время (восьмидесятые годы) к 7000 открытых православных храмов. Про-

тивоположная точка зрения утверждала, что реально в то время было открыто от 4500 до 5000 церквей, а позднее даже 3500.

В этом отношении представляет интерес нечто вроде полемики, имевшей место на страницах “Записок Русской Академической группы в США”. (Записки Русской Академической группы в США. Том XVIII. Нью-Йорк, 1985, стр. 332—334.)

В своей рецензии на мою книгу “Stations of the Cross” (1984) много работавший в этой области В. Алексеев отметил имеющиеся расхождения и, в частности, затронул вопрос о позиции профессора Д. Пospelовского, в своих работах исходившего из данных Московской патриархии. Его точку зрения разделяла и О. Антич, автор статей, рассматривавших положение РПЦ в СССР. Мне приходилось неоднократно затрагивать этот вопрос на страницах зарубежной печати, однако указанные авторы на это не реагировали, считая, очевидно, мою точку зрения некомпетентной. Дополнительное исследование проблемы, которое осуществляло издательство “Заря”, выяснило, что в начале восьмидесятых годов в СССР можно было с большим трудом насчитать от трех до четырех тысяч реально открытых храмов, в которых совершаются постоянно богослужения и действует приходской комитет.

Указанное исследование проводилось разнообразными способами с использованием многочисленных письменных, печатных и устных источников. Оно дало много для понимания всей проблемы.

Сейчас положение изменилось. “Перестрой-

ка" открыла некоторую возможность подойти к более реальным цифрам, чем те, которые даются в изданиях Московской патриархии. Опубликованная в № 158 ВРХД статья священника Сергия Гордуна — "Русская Православная Церковь при святейших патриархах Сергии и Алексии" дает новые цифры по данному вопросу. Статья является копией текста не состоявшегося доклада о. Гордуна на Московской церковной конференции и была напечатана в Вестнике без разрешения автора. Мы не знаем, почему не состоялся доклад о. Гордуна — не потому ли, что он дал слишком много цифровых данных, "несколько расходящихся" с данными официальными? Но независимо от этого анализ статьи о. С. Гордуна не дает оснований принимать все его сведения как безусловные данные. Но ясно — он так же, как и о. Владимир Русак, отрицает верность официальных цифр Московской патриархии по данному вопросу и считает их безусловно завышенными, подтверждая тем самым нашу точку зрения. Это совершенно объективные данные, которые нельзя не принимать, не впадая в упорную односторонность.

Мы приводим таблицу, данную нами еще в 1984 году, и повторяем наши соображения по ее содержанию (Very Rev. D. Konstantinow. Stations of the Cross. The Russian Orthodox Church 1970—1980. Zaria, 1984, p.8). Цифры эти ориентировочные и не претендуют на абсолютную точность, но имеют достаточные основания для того, чтобы считать их оптимально приближающимися к действительности.

Годы	Количество открытых церквей	
1914	54174	(без часовен и молитвенных домов, которых было тогда 23593)
1941	500	всех юрисдикций; патриарших приходов было приблизительно 100—120; в пределах границ 1939 г.)
1957	22000	
1964	10000	
1967	7000	
1971	4500	(по дополнительным данным, около 5000)
1975	4000	
1979	3500	
1982	3000	

Приведем весьма любопытные данные по этому вопросу, помещенные в статье о. С. Гордуна. Мы приводим не все данные, а только часть их, имеющих прямое отношение к приведенным выше цифрам. По мнению о. С. Гордуна, динамика изменений в количестве приходов за те же годы выглядит следующим образом.

Годы	Количество открытых церквей
1957	13477
1960	13008
1966	7523
1971	7274

На 1971 г. данные, приводимые о. С. Гордуном, прекращаются. По его мнению, рекордное количество открытых храмов за послевоенный период имело место в 1949 г., когда было открыто 14477 церквей. Приводимую в нашей таблице цифру в 22000 открытых храмов на 1957 г. он считает выдумкой советской пропаганды. Не возражая против этого и допуская, что я сам в этом случае стал ее жертвой, включив эту цифру в свою таблицу, позволю себе все же сказать по этому поводу несколько слов, проясняющих действительную ситуацию.

К моменту начала войны Германии с Советским Союзом стараниями диктатуры по всей стране сохранилось лишь 500 открытых храмов различных юрисдикций.

По данным Советского информбюро, к началу войны на территории СССР было открыто 4225 православных храмов, по данным о. Гордуна — 3021. Расхождения эти не имеют особого значения. Обе цифры выведены за счет Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Бессарабии, в которых антирелигиозный террор только еще начинался. Все это так, но при этом забывают один весьма существенный факт. На территориях, оккупированных немецкой армией, стали интенсивно открываться новые приходы и строиться молитвенные дома. Разговоры о том, что немцы разрушали церкви и преследовали верующих, — типичная пропагандная страляня соответствующих советских органов. Немцы много делали плохого, но обвинять их в ущемлении религии — никак не приходится. Наоборот, во многих местах немецкое армейское командование помогало верующим открывать новые приходы. И таких новых церковных образований было немало. Были отдельные случаи репрессий в отношении духовенства, но это было связано с партизанским движением.

В Москве с тревогой наблюдали необычайное церковное оживление в оккупированных областях. Оно явилось одним из главных стимулов, обусловивших изменение церковной политики власти во время войны. Точных данных о том, сколько было открыто при немцах приходов, нет. Они считались сугубо секретными и были объявлены несуществующими. По ориентировочным данным, их было около 7000. Если прибавить к 13477 приходам, числящимся по таблице о. Гордуна, еще 7000 приходов, открытых при немцах, то цифра в 22000 приходов на

1957 г., указанная в нашей таблице, не будет абсурдной, имея под собой весомое основание. Одновременно отметим: журнал "Наука и религия" (№ 8, 1990, стр. 19) сообщил, что "к сентябрю 1943 г. насчитывалось 9829 православных церквей, из них 6,5 тысячи на оккупированной территории".

Но если в первом случае у нас могут остаться сомнения в правильности наших выводов, то никаких сомнений не остается, если мы возьмем 1966 и 1967 гг. в которых цифры, приведенные о. Гордуном и мною, **полностью совпадают**. По Гордуну, в 1966 г. в СССР было 7523 открытых приходов, по моим данным, в 1967 г. в СССР было ориентировочно открыто 7000 приходов. Таким образом, цифры, полученные специалистами в эмиграции, и цифры, поступившие из СССР, оказались идентичными. При этом эмигрантская группа исследователей исходила из практически полного отрицания правильности советской статистики и данных Московской патриархии, считая необходимым вести собственное независимое исследование, опираясь на свои знания предмета и объективные письменные и устные источники, заслуживающие полного доверия.

К сожалению, о. С. Гордун не довел своих

статистических данных до нынешнего времени. И, быть может, хорошо сделал. Его сведения о последней его дате — 1971 г. явно неверны. Кто поверит, что в разгар хрущевских гонений и сразу после их окончаний, когда по инерции продолжалась политика ликвидации "действующих" храмов, за период с 1966 г. по 1971 г. было закрыто только 249 церквей! Цифра абсолютно нелепая, не соответствующая действительности. Поэтому для осведомления в этом вопросе мы можем рекомендовать обратиться либо к нашей таблице, приведенной выше, либо обратиться к трудам ученых, отрицающих правильность официальных московских данных и работавших самостоятельно без оглядки на всякого рода пропагандные акции, исходившие от представителей Московской патриархии. К сожалению, на этот путь стали немногие из них, а большинство с большим доверием отнеслось к пропагандно-статистическим акциям, исходившим из недр Совета по делам религий при Совете министров СССР и "доверительно" передававшимся любознательным туристам. Особенно это относится к "знаменитым" 7000 церквям, якобы открытым в конце 70-х и в начале 80-х годов.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ПИР САТАНЫ

Так называется книга Владимира Русака, изданная издательством "Заря". Она посвящена истории Русской Православной Церкви в т. н. ленинский период ее бытия, хронологически исчисляемый 1917–1924 гг. Цель книги — показать на обширном конкретном материале, что "ленинские нормы" церковно-государственных отношений нисколько не лучше, чем нормы сталинские, хрущевские, брежневские и т. п. В своей новой работе В. Русак хочет показать, что эти нормы представляли собой практическое руководство по разрушению Церкви, издевательствам над верующим населением страны, руководством по проведению жесточайшего бессудного террора над представителями Церкви. Семилетний период правления Ленина также, если не более еще ужасен, чем церковная политика его верных последователей. Это верно и "архиважно", так как вскрывает очередную ложь коммунистов, что все их ошибки и неудачи связаны с отклонениями от "ленинских норм". Книга В. Русака является очередным свидетельством обвинения, говорящего о подлинном лице "гуманных ленинских норм".

Автор при этом исходит из абсолютно правильного тезиса о том, что всякое "признание христианином власти носит не безуслов-

ный, а условный характер. Если исполнение воли власти может повлечь за собой нарушение воли Божией, т. е. если воля государства вступает в конфликт с принципами Церкви, то для христианина не может быть другого пути, как отвергнуть установки такой власти". Правильный ответ на домогательства коммунистической диктатуры, требовавшей полной лояльности РПЦ в отношении всех ее начинаний. Это исходный пункт, логически отмечающий лукавые домыслы коммунистов, что цели у коммунизма и христианства одни и те же, несмотря на богоборческий динамизм первого.

"Ленинские нормы" привели к тому, что на российских просторах "широким потоком полилась кровь христианская". Грубое вмешательство советской власти в церковную жизнь началось с первых ее шагов с "благословения" незабвенного "Ильича".

Книга написана весьма фрагментарно, но насыщена конкретным материалом, что является ее несомненным достоинством. Список расстрелянных, утопленных, заживо сожженных в паровозных топках, повешенных, забитых, замороженных, заколотых, зарубленных, распятых — является своего рода обширным введением ко всему остальному содержанию книги. Когда-то, лет двадцать

назад подобную же работу проделала ныне покойная сотрудница Мюнхенского института по изучению СССР Н. А. Теодорович. Специальный выпуск редактировавшегося ею Бюллетеня, посвященного положению религии в СССР, представлял собою список всех жертв среди духовенства РПЦ ленинского периода управления страной. Можно только пожалеть, что автор не счел нужным хотя бы упомянуть об этой работе его весьма просвещенного и отлично знавшего ситуацию коллеги. Заглавием этого номера Бюллетеня было: "Со святыми упокой".

Но что говорить об отдельных погибших священнослужителях, когда на основе все тех же пресловутых "ленинских норм" были расстреляны народные крестные ходы в Петрограде, Туле, Харькове, Солигаличе и в некоторых других местах. Становится страшно, когда читаешь эти строки, вышедшие из-под пера историка современной РПЦ. "Насилие, кощунство, наглость и алчность" — шли рука об руку с "революционной необходимостью", рекламировавшейся властью. Достаточно сказать, что, по сообщению советской печати, в связи с изъятием церковных ценностей в России, произошло 1414 кровавых эксцессов.

Во время "неофициальной" волны изъятия церковных ценностей, в 1920 г. у Церкви было отнято 7 150 000 000 рублей. Это на территории, не включавшей Украину, Кавказ, Сибирь. На все изъятие у Церкви деньги и ценности большевики для голодающих купили за границей 3 миллиона пудов зерна и некоторое количество других продуктов питания. Но на изъятые в пользу голодающих ценности можно было купить 525 миллионов пудов зерна. Церковные ценности, таким образом, использовались на нужды голодающих в количестве не более 0,6%. Лучше, как говорится, не придумаешь...

Изъятие церковных ценностей происходит на фоне заявления власти о том, что "советская власть не прекратит борьбу, пока противник не будет разгромлен и обессилен до конца". В связи с этим автор вспоминает, что тогда же был арестован и выслан в Семипалатинск викарий Петроградской епархии епископ Ямбургский Алексей (Симанский). Это событие из жизни будущего патриарха Московского и всея Руси не упоминается ни в одной его биографии. Почти одновременно подвергается аресту и высылке в Коми-Зырянский край будущий ближайший сподвижник патриарха Алексея, епископ Петергофский Николай (Ярушевич). Первые сведения о нем появляются только в 1927 г. Не все было благополучно и светло в жизни и деятельности будущих возглавителей РПЦ.

Автор приводит ориентировочные цифры

погибших за веру, подразделяя их по губерниям. Это, пожалуй, единственный опыт классификации погибших, имеющийся в трудах по истории современной РПЦ.

В. Русак упорно и глубоко заблуждается в отношении того, что 70-летие октябрьского переворота РПЦ встретила с 6.794 храмами. В своих предыдущих трудах автор высказывал совершенно законные сомнения в отношении реальности этой цифры. И это было правильно. В данном случае он некритически принял к руководству доперестроечную фальшивку Московской патриархии, публиковавшей цифры открытых храмов, спущенные ей Советом по делам религий. Достаточно вспомнить пресловутый доклад Фурова, где где-то говорится и на эту тему. Неужели автор не понимает, что в эту цифру нарочито включены т. н. храмы третьей категории, которые в то время не были официально закрыты, но в них не впускали священника и богослужения в них не совершались. Это делалось властью для статистики и для иностранного туризма. С точки зрения здравого смысла и элементарной научной честности эти храмы должны быть изъаты из "контрольных цифр" Московской патриархии. Без них остается около 5000 открытых и "действующих" храмов. Такие вещи историк Церкви обязан знать и не игнорировать выводы, к которым пришли его коллеги по изучению этих вопросов, а если он с этим не согласен, то все же обязан сказать о том, что существует и иная точка зрения.

В. Русак совершенно прав, когда констатирует, что большевики, отрекшись от союза с Церковью, создали фактически новую "религию", построенную на постулатах сомнительной достоверности. Веру в Бога они заменили верой в то, что Бога нет. И эта упорная вера в правильность неверия в Бога создала парадокс верующего в неверие безбожника. Новая вера в неверие оказалась весьма действенной, о чем и свидетельствует рецензируемая книга. Советские атеисты создали свой своеобразный культ со своими обрядами и традициями. Они создали антицерковь, культ религии государственного атеизма, залит кровью всю огромную страну. И именно об этом говорит нам книга В. Русака.

Разоряя и уничтожая Церковь, мастера новой религии стремились по возможности уничтожить и все, связанное с религией. Ценнейшие иконы демонстративно выносились на улицу, сваливались в кучу, обливались бензином и сжигались. В эти костры попали тысячи уникальных творений древних русских мастеров, редкие произведения церковно-прикладного искусства.

Политика "ленинских норм" привела не только к разорению Церкви, но и к созданию

народного религиозного движения за Церковь. Это именно то движение, которое пронесло церковное знамя через все семьдесят лет богоборческой диктатуры и донесло его до победы наших дней. Уже 21 января 1918 г. около Александро-Невской лавры собралось около 500 тысяч человек для участия в крестном ходе. По сохранившимся данным, в майских торжествах, возглавленных патриархом Тихоном, в Богородском приняло участие свыше 100 тысяч богомольцев. Церкви были переполнены людьми. Ходили в церковь даже те, кто в обычное время почти не посещал храмы. Годы НЭП'а были отмечены особой активностью верующих по всей стране. На основе возросшей религиозной активности верующих Церковь в это время использовала три формы протеста: публичное осуждение действий большевиков, направленных против религии, крестные ходы в знак протеста против насилия и организация особых братств и обществ защиты.

Много интересного рассказывает нам весьма нужная и своевременная книга В. Русака. Судя по списку источников, автор использовал огромный материал. Естественно, что львиную долю его составляют советские издания и всякого рода иные материалы. Имеются ссылки на некоторые дореволюционные издания. Блистательно отсутствуют эмигрантские издания, посвященные положению Церкви в СССР. Одно из двух: или автор их просто не знает, или не хочет их использовать. Первое является несомненным промахом, второе недопустимым явлением для историка Церкви. Указанное явление уже отмечалось нами в печати в связи с выходом предыдущих работ В. Русака. Тогда это объяснялось тем, что автор находится в СССР и просто не

знает эмигрантских трудов. Сейчас это соображение отпадает. Ссылки на книгу Регельсона или на капитальную работу Левитина и Шаврова не меняют положение, но дают основание говорить, что В. Русак "признает" только труды диссидентов.

А между тем в эмиграции имеются материалы, которые следовало бы учесть при написании этой нужной и полезной книги. Например, как можно было пройти мимо книжки близкого сотрудника патриарха Тихона и председателя Московского епархиального совета того времени протопресвитера В. П. Виноградова — "О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего патриарха Тихона", изданной в Мюнхене в 1959 г. Каким образом автор "не заметил" "Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней" проф. И. М. Андреева, изданный в Джорданвилльском монастыре в 1952 г.? Жаль, что автор, очевидно, не знал, что именно на его тему о "ленинских нормах" в области религиозной политики большевиков еще в 1944 г. в издательстве РОА в Дабендорфе была издана небольшая работа Д. Долинского, в которой излагаются интересные факты, по-видимому неизвестные В. Русаку. Эти сожаления можно было бы продолжить на пару страниц, но и сказанного довольно... Пожелаем автору в дальнейшем исправить это положение и проявить известное уважение к его коллегам по истории Церкви как к живым, так и к ушедшим уже в другой мир. А что касается его книги, то она несомненно встретит заслуженный интерес к ней в современной России, для чего собственно она и издана издательством "Заря".

Л. ЛЮИГ

РЕЦЕНЗИЯ НА ОДИН СПЕКТАКЛЬ

Сенсация для Брауншвейга: артисты Малого Драматического театра из Санкт-Петербурга приехали в наш город и выступили в нашем Государственном театре 9, 10 и 11 ноября с г. с "Бесами" Достоевского.

Поставить на сцене этот по содержанию сложный философский роман, где действующие лица являются воплощением идей, очень трудно, тем более что режиссер должен был передать то, что Достоевский хотел сказать этим романом, в течение девяти часов — каждое представление длилось около трех часов. И я могу сказать, режиссеру Льву Додину это прекрасно удалось. И, кроме того, артисты — подчеркиваю, все — выполняли свои роли просто чудесно. У меня не хватает слов, чтоб выразить, как прекрасно они играли. Это была не игра, а

искусство!

Первый день в центре внимания находилась Мария Тимофеевна. С большим искусством и изяществом исполняла эту роль Татьяна Шестакова. Особенно хорошо ей удалась та сцена, когда Ставрогин приходит к Лебядкиным и спрашивает Марию, не хочет ли она с ним поехать в Швейцарию. Он обещает ей быть всегда при ней и ей во всем подчиняться. И Мария, которая любила его и ждала его четыре-пять лет, кричит ему в ответ: "Ни за что не поеду с вами и буду с вами сидеть 40 лет на горе. Кто ты такой, самозванец? У тебя нож в кармане, Григорий Отрепьев". Любящий глаз Марии видит Ставрогина насквозь. При этих словах мне вспомнился разговор, который я вела с одним молодым человеком как раз накануне представления

“Бесы”. Этот молодой человек мне сказал, что цель любви — это познать любимого человека. И Мария познала Ставрогина, этого мерзавца, у которого вместо сердца холодный мертвый камень и который наслаждается тем, что издевается над людьми и губит их. Гениально была сыграна эта роль Петром Семаком. Ставрогин приходит к отцу Тихону, сам не зная почему, и спрашивает его, можно ли верить в бесов, не веруя в Бога? Отец Тихон ему отвечает, что это вполне возможно. Ставрогин говорит, что временами он видит перед глазами какого-то бесенка и иногда ему кажется, что это он сам. Но когда Ставрогин якобы исповедуется перед отцом Тихоном, игра Петра Семака достигает высшей точки напряжения. Весь зал замирает. Зрители, не дыша, смотрели на белое лицо Ставрогина и слушали его слова, как он издевался над девочкой Матрешей, которую он довел до самоубийства.

Блестяще были представлены мелкие бесы в собрании левых, которые были охвачены, увы, не Святым Духом, а духом сатаны. Сидят атеисты, социалисты и между ними замешаны либералы. Их цель якобы преобразование России, их истинный принцип — всеобщее разрушение. И всеми ими верховодит каналья Петр Верховенский, роль которого была исключительно хорошо исполнена Сергеем Бехтеревым. Хитростью и подлостью Верховенскому удастся спаять всех убийством Шатова, единственного человека из всех мужских персонажей, к которому можно относиться с симпатией. Шатов уверовал в Иисуса Христа и, видимо, уверует в Бога. К нему возвращается его жена Мария, начина-

ются ее роды. Шатов окружает ее любовью, вначале даже не понимая, в чем дело. Когда появляется на свет ребенок, отец которого Ставрогин, Шатов познает тайну жизни: он увидел то, чего не бывает от рук человеческих. И как раз Шатова убивают во имя общего дела. Убийцы кричат: “Тысячи Шатовых мы убьем!” Каким пророком был Достоевский!

Атеиста Кириллова — эта роль опять-таки исключительно была сыграна Сергеем Курышевым, — которого съела злая идея, нельзя спасти. Несмотря на его великодушие и любовь к людям, у него остается только одна дорога — дорога в смерть. Он кончает с собой. Свое прощальное письмо он заканчивает словами: *Liberte, egalite, fraternite’.... la nort*”.

Еще несколько слов о декорациях. На сцене была видна большая гильотина, нож ее то поднимался, то опускался. Гильотина — символ уничтожения. Нельзя было дать лучшего фона этой постановке.

Брауншвейгская публика была в восторге от постановки и игры артистов из Санкт-Петербурга. В последний день, после третьего представления, весь зал стоя долго аплодировал. Я, со своей стороны, хочу добавить, что долго жила в Мюнхене, там ходила в театр, в Брауншвейге часто хожу в театр, но такого прекрасного спектакля я в своей жизни еще не видела. Как талантливы русские люди!

73 года бесы владели Россией и, до чего они ее довели, я надеюсь, видно теперь ясно всем. Но бесы еще есть и в России, и вне ее. Победитель их — Дух Святой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая Вера Александровна, прежде всего благодарю Вас лично за внимание, а также сообщая, что журнал “Голос Зарубежья” получил.

В этом письме я хочу выразить свое отношение к Вашему журналу, так сказать, мнение человека из глубинки России о Вашем журнале. Я не имею литературных публикаций, и мой язык, весьма вероятно, несколько кистист, и я заранее извиняюсь и буду благодарен Вам только за то, что Вы прочтете это письмо. Я люблю читать различные журналы и газеты, слушаю радио, как с нашей стороны, так и с Запада, чтобы иметь независимое мнение, т. к. и та, и та сторона бывает права по-своему. В номерах Вашего журнала мне особенно понравились Ваши воспоминания “Потерянное поколение”, а также публикации авторов Д. Штурман и А. Федосеева. И хотя некоторые материалы можно воспринимать спорно, но должен

сказать, что во многом согласен с Вашей оценкой нашей действительности.

72 года в России существует преступный коммунистический строй, который погубил миллионы невинных людей и сделал всех людей нищими, бесправными, работающими только на государство и в рабских условиях...

И теперь пришло время собирать плоды коммунистического правления и исправлять, вернее, выводить наше общество из этого кризиса. Коммунистическая идеология за эти годы очень сильно задурманила головы многих людей.

Легче всего с ней расстаться молодежи, но люди пожилые воспринимают все это очень тяжело.

Люди отвыкли хорошо трудиться, потому что плоды их труда полностью забирало государство, не давая ничего взамен.

В настоящее время главный вопрос состоит в том, как наиболее быстро вывести страну

народного религиозного движения за Церковь. Это именно то движение, которое пронесло церковное знамя через все семьдесят лет богоборческой диктатуры и донесло его до победы наших дней. Уже 21 января 1918 г. около Александро-Невской лавры собралось около 500 тысяч человек для участия в крестном ходе. По сохранившимся данным, в майских торжествах, возглавленных патриархом Тихоном, в Богородском приняло участие свыше 100 тысяч богомольцев. Церкви были переполнены людьми. Ходили в церковь даже те, кто в обычное время почти не посещал храмы. Годы НЭП'а были отмечены особой активностью верующих по всей стране. На основе возросшей религиозной активности верующих Церковь в это время использовала три формы протеста: публичное осуждение действий большевиков, направленных против религии, крестные ходы в знак протеста против насилия и организация особых братств и обществ защиты.

Много интересного рассказывает нам весьма нужная и своевременная книга В. Русака. Судя по списку источников, автор использовал огромный материал. Естественно, что львиную долю его составляют советские издания и всякого рода иные материалы. Имеются ссылки на некоторые дореволюционные издания. Блистательно отсутствуют эмигрантские издания, посвященные положению Церкви в СССР. Одно из двух: или автор их просто не знает, или не хочет их использовать. Первое является несомненным промахом, второе недопустимым явлением для историка Церкви. Указанное явление уже отмечалось нами в печати в связи с выходом предыдущих работ В. Русака. Тогда это объяснялось тем, что автор находится в СССР и просто не

знает эмигрантских трудов. Сейчас это соображение отпадает. Ссылки на книгу Регельсона или на капитальную работу Левитина и Шаврова не меняют положение, но дают основание говорить, что В. Русак "признает" только труды диссидентов.

А между тем в эмиграции имеются материалы, которые следовало бы учесть при написании этой нужной и полезной книги. Например, как можно было пройти мимо книжки близкого сотрудника патриарха Тихона и председателя Московского епархиального совета того времени протопресвитера В. П. Виноградова — "О некоторых важнейших моментах последнего периода жизни и деятельности святейшего патриарха Тихона", изданной в Мюнхене в 1959 г. Каким образом автор "не заметил" "Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней" проф. И. М. Андреева, изданный в Джорданвилльском монастыре в 1952 г.? Жаль, что автор, очевидно, не знал, что именно на его тему о "ленинских нормах" в области религиозной политики большевиков еще в 1944 г. в издательстве РОА в Дабендорфе была издана небольшая работа Д. Долинского, в которой излагаются интересные факты, по-видимому неизвестные В. Русаку. Эти сожаления можно было бы продолжить на пару страниц, но и сказанного довольно... Пожелаем автору в дальнейшем исправить это положение и проявить известное уважение к его коллегам по истории Церкви как к живым, так и к ушедшим уже в другой мир. А что касается его книги, то она несомненно встретит заслуженный интерес к ней в современной России, для чего собственно она и издана издательством "Заря".

Л. ЛЮИГ

РЕЦЕНЗИЯ НА ОДИН СПЕКТАКЛЬ

Сенсация для Брауншвейга: артисты Малого Драматического театра из Санкт-Петербурга приехали в наш город и выступили в нашем Государственном театре 9, 10 и 11 ноября с г. с "Бесами" Достоевского.

Поставить на сцене этот по содержанию сложный философский роман, где действующие лица являются воплощением идей, очень трудно, тем более что режиссер должен был передать то, что Достоевский хотел сказать этим романом, в течение девяти часов — каждое представление длилось около трех часов. И я могу сказать, режиссеру Льву Додину это прекрасно удалось. И, кроме того, артисты — подчеркиваю, все — выполняли свои роли просто чудесно. У меня не хватает слов, чтоб выразить, как прекрасно они играли. Это была не игра, а

искусство!

Первый день в центре внимания находилась Мария Тимофеевна. С большим искусством и изяществом исполняла эту роль Татьяна Шестакова. Особенно хорошо ей удалась та сцена, когда Ставрогин приходит к Лебядкиным и спрашивает Марию, не хочет ли она с ним поехать в Швейцарию. Он обещает ей быть всегда при ней и ей во всем подчиняться. И Мария, которая любила его и ждала его четыре-пять лет, кричит ему в ответ: "Ни за что не поеду с вами и буду с вами сидеть 40 лет на горе. Кто ты такой, самозванец? У тебя нож в кармане, Григорий Отрепьев". Любящий глаз Марии видит Ставрогина насквозь. При этих словах мне вспомнился разговор, который я вела с одним молодым человеком как раз накануне представления

“Бесы”. Этот молодой человек мне сказал, что цель любви — это познать любимого человека. И Мария познала Ставрогина, этого мерзавца, у которого вместо сердца холодный мертвый камень и который наслаждается тем, что издевается над людьми и губит их. Гениально была сыграна эта роль Петром Семаком. Ставрогин приходит к отцу Тихону, сам не зная почему, и спрашивает его, можно ли верить в бесов, не веруя в Бога? Отец Тихон ему отвечает, что это вполне возможно. Ставрогин говорит, что временами он видит перед глазами какого-то бесенка и иногда ему кажется, что это он сам. Но когда Ставрогин якобы исповедуется перед отцом Тихоном, игра Петра Семака достигает высшей точки напряжения. Весь зал замирает. Зрители, не дыша, смотрели на белое лицо Ставрогина и слушали его слова, как он издевался над девочкой Матрешей, которую он довел до самоубийства.

Блестяще были представлены мелкие бесы в собрании левых, которые были охвачены, увы, не Святым Духом, а духом сатаны. Сидят атеисты, социалисты и между ними замешаны либералы. Их цель якобы преобразование России, их истинный принцип — всеобщее разрушение. И всеми ими верховодит каналья Петр Верховенский, роль которого была исключительно хорошо исполнена Сергеем Бехтеревым. Хитростью и подлостью Верховенскому удастся спаять всех убийством Шатова, единственного человека из всех мужских персонажей, к которому можно относиться с симпатией. Шатов уверовал в Иисуса Христа и, видимо, уверует в Бога. К нему возвращается его жена Мария, начина-

ются ее роды. Шатов окружает ее любовью, вначале даже не понимая, в чем дело. Когда появляется на свет ребенок, отец которого Ставрогин, Шатов познает тайну жизни: он увидел то, чего не бывает от рук человеческих. И как раз Шатова убивают во имя общего дела. Убийцы кричат: “Тысячи Шатовых мы убьем!” Каким пророком был Достоевский!

Атеиста Кириллова — эта роль опять-таки исключительно была сыграна Сергеем Курышевым, — которого съела злая идея, нельзя спасти. Несмотря на его великодушие и любовь к людям, у него остается только одна дорога — дорога в смерть. Он кончает с собой. Свое прощальное письмо он заканчивает словами: *Liberte, egalite, fraternite’.... la nort*”.

Еще несколько слов о декорациях. На сцене была видна большая гильотина, нож ее то поднимался, то опускался. Гильотина — символ уничтожения. Нельзя было дать лучшего фона этой постановке.

Брауншвейгская публика была в восторге от постановки и игры артистов из Санкт-Петербурга. В последний день, после третьего представления, весь зал стоя долго аплодировал. Я, со своей стороны, хочу добавить, что долго жила в Мюнхене, там ходила в театр, в Брауншвейге часто хожу в театр, но такого прекрасного спектакля я в своей жизни еще не видела. Как талантливы русские люди!

73 года бесы владели Россией и, до чего они ее довели, я надеюсь, видно теперь ясно всем. Но бесы еще есть и в России, и вне ее. Победитель их — Дух Святой.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая Вера Александровна, прежде всего благодарю Вас лично за внимание, а также сообщая, что журнал “Голос Зарубежья” получил.

В этом письме я хочу выразить свое отношение к Вашему журналу, так сказать, мнение человека из глубинки России о Вашем журнале. Я не имею литературных публикаций, и мой язык, весьма вероятно, несколько костист, и я заранее извиняюсь и буду благодарен Вам только за то, что Вы прочтете это письмо. Я люблю читать различные журналы и газеты, слушаю радио, как с нашей стороны, так и с Запада, чтобы иметь независимое мнение, т. к. и та, и та сторона бывает права по-своему. В номерах Вашего журнала мне особенно понравились Ваши воспоминания “Потерянное поколение”, а также публикации авторов Д. Штурман и А. Федосеева. И хотя некоторые материалы можно воспринимать спорно, но должен

сказать, что во многом согласен с Вашей оценкой нашей действительности.

72 года в России существует преступный коммунистический строй, который погубил миллионы невинных людей и сделал всех людей нищими, бесправными, работающими только на государство и в рабских условиях...

И теперь пришло время собирать плоды коммунистического правления и исправлять, вернее, выводить наше общество из этого кризиса. Коммунистическая идеология за эти годы очень сильно задурманила головы многих людей.

Легче всего с ней расстаться молодежи, но люди пожилые воспринимают все это очень тяжело.

Люди отвыкли хорошо трудиться, потому что плоды их труда полностью забирало государство, не давая ничего взамен.

В настоящее время главный вопрос состоит в том, как наиболее быстро вывести страну

из кризиса, для этого прежде всего нужно правительство демократическое в полном понимании этого слова. Горбачев сделал много для нашей страны, но сейчас, я думаю, ему на смену должен прийти новый человек, без коммунистических предрассудков и более решительный.

Вы уже знаете, что 19 августа в нашей стране была предпринята попытка гос. переворота и только по причине плохой организации наша страна не была ввергнута в хаос гражданской войны. То, что на высших должностях находились такие люди, говорит о многом.

Правительство РСФСР оказалось тоже мужественным и состоятельным, а Борис Ельцин набирает все большую популярность.

Я думаю, сейчас в первую очередь надо принять решения о передаче земли всем желающим в личное пользование, а колхозы и совхозы реорганизовать в независимые от государства хозяйства, типа фермерских.

Предприятия отдать работающим на них, в полную их собственность, на основе выкупа этих предприятий у государства. Естественно, % прибыли в разумных пределах идет в доход государства.

Выборы президента страна должна осуще-

ствлять всенародным голосованием, выбирая из кандидатов разных партий.

Предоставить республикам полный суверенитет, хотя будет очень жаль, если наш союз распадется на отдельные независимые государства, и это создаст много новых проблем.

Но все равно надо срочно что-то делать, т. к. жизнь советских людей становится все трудней, и чем дальше мы катимся вниз, тем трудней будет выйти на мировой уровень.

Вероятно, я в чем-то не прав, т. к. я простой человек и не знаю всех тонкостей ситуаций и получаю информацию из средств массовой информации.

Извините, что занял Ваше время. Вы делаете очень хорошее и полезное дело, печатая и создавая интересный журнал, и жаль, что мы в России не имеем возможности его купить.

Желаю Вам всего хорошего и успехов.

Искренне Ваш
Александр Елисеев

Калуга, 1.9.1991 г.

От редакции: Кое-где журнал уже купить можно, в частности, в Санкт-Петербурге и Новосибирске.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

№59, стр. 36, 1-я колонка, 16 строка снизу

Напечатано: "беспристрастную"; следует читать — "бесстрастную".

№61, стр. 48, 2-я колонка, 9 строка сверху

Напечатано: "Николая II"; следует читать — "Николая I".

№62, стр. 39, 1-я колонка, 14 строка снизу

Напечатано: "Благодарцев"; следует читать — "Благодарев".

№62, стр. 40, 2-я колонка, 4-я строка сверху

Напечатано: "участии Керенского"; следует читать — "участи Керенского".

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА
Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника**

Druck: "Express", Jerusalem

ГОЛОС

ЗАРУБЕЖЬЯ

63

МЮНХЕН 1991

СОДЕРЖАНИЕ

С рождеством Христовым!	1
В. Пирожкова. На пути реформ	2
А. Федосеев. "Без труда не вытащишь и рыбку из пруда"	10
Д. Штурман. "Тайна века"	15
Б. Литвинов. После путча	26
А. Федосеев. Открытое письмо Егору Яковлеву	34
С. Тиктин. Звезды "Полынь"	35
В. Пирожкова. Потерянное поколение	37
Протоиерей Д. Константинов. "Занимательная статистика"	42
Протоиерей Д. Константинов. Пир сатаны	44
Л. Люиг. Рецензия на один спектакль	46
А. Елисеев. Письмо в редакцию	47

Главный редактор: д-р В. ПИРОЖКОВА

Verantwortlich für den Inhalt: D-r V. Piroschkow

Адрес редакции:

D-r V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D — 8000 München 80, Deutschland

Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

**За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника**

Druck: "Express", Jerusalem